

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Детективное ретро

Валерия Вербинина
Театральная площадь

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Театральная площадь / В. Вербинина — «Автор»,
2019 — (Детективное ретро)

ISBN 978-5-04-100078-3

Москва, 1936 год. В центре столицы блистает гордость страны – Большой театр. Кажется невероятным, что в таком месте может произойти нечто криминальное, – но пропадает один из артистов балета, и сыщик уголовного розыска Иван Опалин понимает, что в этом храме искусства не все безоблачно. Ведя расследование, он видит, что в качестве виновного ему пытаются навязать человека, который не имеет к происходящему никакого отношения. Дело осложняется тем, что именно в театре Опалин встречает большую любовь – Машу, в прошлом которой, однако, есть темные пятна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100078-3

© Вербинина В., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Двое в ночи	6
Глава 2. Военный совет	9
Глава 3. Ценители искусства	14
Глава 4. Осколки	19
Глава 5. Недомолвки и тайны	23
Глава 6. Щепкинский проезд	26
Глава 7. Первый визит	31
Глава 8. Молния	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербинина

Театральная площадь

© Вербинина В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Данный роман является вымыслом. Любое сходство с действительностью случайно.

Глава 1. Двое в ночи

Я бы на вашем месте хоть раз в театр ходил.
М. Булгаков, «Собачье сердце»

Сумерки плывут над Москвой. Вдоль улиц протянулись цепи желтых огней, в черном небе холодная пятнистая луна то спрячется за облако, то выглянет из него. Громада ЦУМа – бывшего «Мюр и Мерилиз» – топорщится во тьме, как готический замок, каким-то чудом перенесенный в центр советской столицы. На улице Горького, бывшей Тверской, уже начинают закрываться шумные рестораны, иссякают льющие из дверей волны джаза. Изредка проносятся машины, прорезая ночь светом фар. Сквер напротив Большого театра тих и темен, и молчит выключенный в эту пору года фонтан. Зеленую квадригу в вышине уже не видно. Тает в сумерках Аполлон, и полощется над ним на ветру красный флаг.

Припозднившиеся прохожие зябко поднимают воротники и ускоряют шаг. Впрочем, есть и такие граждане, которым ночь нипочем. К ним, очевидно, принадлежал молодой человек, который неспешно шел по Петровке в сопровождении барышни. Она висла у него на рукаве, блеснула глазами и трещала, не закрывая рта. Из-под синего беретика выбивались лихие рыжеватые кудряшки, миловидное личико светилось оживлением, а на ногах, несмотря на осеннее время, красовались туфли на небольшом каблучке. Свободной рукой барышня прижимала к себе маленькую сумочку. Окажись поблизости недоброжелательный наблюдатель, он бы не преминул заметить, что и сумочка, и темное пальтишко барышни не отличаются красотой и вообще бросают вызов моде. Впрочем, наблюдатель менее придирчивый удовольствовался бы соображением, что незнакомка просто очаровательна, а что касается ее вещей, то они все равно не могут испортить общего впечатления. В конце концов, в 1936 году мало кто мог позволить себе шиковать и одеваться согласно последним предписаниям зарубежных журналов.

– Ой, Ваня, как же хорошо посидели-то! – говорила барышня, зачарованно глядя на своего высокого темноволосого спутника. – И люди культурные, и обслуживание приличное. Знатная ресторация! А ты много получаешь? Ты не подумай, – поспешно спохватилась она, – я просто так спрашиваю. Мне любопытно. Вот у Катьки муж – пожарный, но у него работа опасная... Ой, Ваня! – Барышня хихикнула и крепче прижалась к своему спутнику. – Я и забыла, что у тебя тоже работа не сахар. Ты вообще не похож... Я хочу сказать, ты такой серьезный! Как профессор!

Серьезный Ваня ограничился тем, что только улыбнулся. Улыбка у него была замечательная, открытая, что называется, от всей души – и заставляла забыть о страшном шраме, который шел наискось рядом с правым виском и был отчетливо виден даже сейчас, в октябрьских сумерках, разбавленных светом редких фонарей.

– Нет, ты лучше, – увлеченно продолжала барышня, – в самом деле! Профессора все старые. Правда, получают ужас как много! Я однажды видела профессора, так у него даже своя машина была.

– Люся... – смущенно начал ее спутник.

– Ну что Люся? Я же сказала: ты лучше! Не машина же главное, в конце концов...

Уловив какой-то посторонний шум, Ваня машинально повернул голову. Навстречу им по тротуару от Большого театра шла женщина. Она двигалась очень быстро, стуча каблучками, и в ночи ее шаги казались особенно громкими. По Петровке проехал грузовик, и на несколько секунд его фары осветили незнакомку целиком. Она пробежала мимо Вани, бросив на него один-единственный взгляд, а через несколько минут свернула в какой-то переулок и скрылась из глаз. Ночь съела ее без остатка и поглотила ее шаги.

– Ишь ты! – фыркнула Люся.

Ей инстинктивно не понравилась незнакомка, точнее, не понравилось, как Ваня на нее посмотрел. Люся уже считала его чем-то вроде своей собственности, и ее невольно кольнула ревность.

– Знакомая, что ли? – спросила она, стараясь говорить как можно более небрежно.

– Нет, – просто ответил ее спутник.

– Духами брызгается, – пробормотала Люся, втянув носом воздух. – Фу-ты ну-ты! – Ее осенила неожиданная догадка: – А может, она из театра?

Ваня только плечами пожал, всем своим видом показывая, что его это совершенно не касается.

– Я в театры не хожу, – продолжала Люся, совершенно успокоившись. – Ну как не хожу? Была один раз, не понравилось мне. Место далеко, неудобно, видно плохо, а на сцене кривляются чего-то. Хорошо еще, что билет был даровой, от нашей комсомольской ячейки... Вань, скажи, а ты бы мог перейти на другую работу?

– Зачем? – уже недовольно спросил ее спутник.

– Ну как зачем? Мне же страшно. Бандиты всякие, уголовники, а ты их ловишь. А если с тобой случится что?

– Кто-то должен и бандитов ловить, – буркнул Ваня, и по его мгновенно замкнувшемуся виду Люся поняла, что зря затронула эту тему.

– Ваня, ну разве я против говорю? Я же пошутила! – Совершив этот типично женский маневр, Люся решила, что одних слов недостаточно. – Ты не сердись? Нет? Точно нет? Тогда целуй меня. Целуй, а то не поверю!

Ваня наклонился к Люсе, но тут послышался шум машины, которая мчалась, разрезая ночь светом фар, и молодой человек увлек свою спутницу в темный переулок за театром, где можно было без помех целоваться сколько угодно.

– Ой, Ваня! – хихикнула девушка после того, как ее поцеловали не то в пятый, не то в шестой раз. – погоди... дай дух перевести... – Она оторвалась от своего спутника, сделала шаг назад, покачнулась и ойкнула. – Ваня!

– Ну что? – спросил молодой человек, улыбаясь во весь рот.

– Ваня, я на что-то наступила, – обиженно сказала Люся, хлопая ресницами. – Я сейчас чуть не упала!

Ее спутник наклонился, рассматривая то, на что она наступила, потом внезапно посерьезнел и стал хлопать себя по карманам, вполголоса бормоча ругательства.

– Вань, ты чего? – пролепетала девушка, стухнув. Она ничего не понимала.

Достав коробку спичек, Ваня зажег одну из них и осветил то, что бесформенной грудой лежало у стены. При ближайшем рассмотрении груды оказалась телом, и было не похоже на то, что оно принадлежит живому человеку.

– Ваня! – завизжала Люся, хватая спутника за локоть.

– А, ч-черт...

Спичка упала на асфальт и погасла. Дернув рукой, Иван стряхнул пальцы девушки и зажег следующую спичку.

– Ваня... – заныла Люся. – Ванечка!

Она сделала попытку снова вцепиться в него, но на сей раз Иван отвел ее руку.

– Ты можешь подержать коробку? – спросил он.

– Зачем? – в ужасе пролепетала девушка.

– У меня только две руки. Я хочу его осмотреть.

– Я... я...

Не слушая Люсю, Иван вручил ей коробку спичек, а сам наклонился над телом, осветив его спичкой. Свободной рукой потрогал пульс, нахмурился, зачем-то осмотрел шею лежащего,

а затем и голову. Спичка догорала, и Иван задул ее уже тогда, когда пламя стало обжигать ему пальцы.

– Дай сюда коробку...

Он зажег новую спичку. Выражения его лица Люся не понимала – и не хотела признаться себе в том, что он ее пугает.

– Какая-то странная у него одежда, – пробормотала она, дрожа всем телом.

На лежащем было белое обтягивающее трико и нечто вроде пестрого короткого камзола, богато украшенного вышивкой и позументом. Глаза мужчины были открыты и смотрели мимо молодых людей в никуда. Закончив осмотр, Иван осветил спичкой циферблат часов на своем запястье.

– Семнадцать минут первого... Хотя что это дает? Ничего не дает...

– Ваня, – пробормотала Люся, совершенно растерявшись, – он что, умер?

– Да не умер, а убит, – буркнул Иван, распрямляясь. Он задул спичку, бросил ее и спрятал коробок в карман.

– Ваня, я боюсь. Ваня...

– Не надо бояться, он тебе ничего не сделает. Вот что, я иду к метро, там на посту стоит милиционер. Я приведу его сюда. А ты...

– Ваня, я тут не останусь! – отчаянно вскрикнула Люся и зарыдала. – Ваня, не бросай меня...

– Люся, перестань... Люся!

– Почему мы вообще должны им заниматься? Пусть кто-нибудь другой его найдет! Такой хороший вечер был... ресторан... так славно посидели... Зачем все портить?

– Люся, ты в своем уме?! – рассердился Иван. – Я муровец, между прочим... Я не могу его бросить и сделать вид, что ничего не было!

– Я тут не останусь!

– Люся, послушай...

– Нет, нет, я пойду с тобой! Если его убили... Вдруг тот, кто убил, все еще здесь? Нет, Ваня, я не хочу оставаться одна!

Признав, что в ее словах есть резон, Иван смирился.

– Хорошо, идем со мной... Я расскажу милиционеру, что случилось. Еще опербригаду с Петровки вызывать придется... Пошли! Чем быстрее мы со всем этим разберемся, тем лучше...

Однако когда через несколько минут Иван в сопровождении милиционера и спотыкающейся от ужаса Люси вернулся в переулок за Большим театром, труп исчез. И более того – ничто, ни одна деталь не указывала на то, что тут недавно произошло преступление.

Глава 2. Военный совет

Не в балете ли весь человек?

Н. Некрасов

– Вот прям так взял и исчез? – недоверчиво спросил Петрович.

В кабинете было накурено. Дымили все – и уже знакомый нам Иван Опалин, и старый опытный опер Карп Петрович Логинов, которого коллеги называли просто по отчеству, потому что он не жаловал свое имя и периодически грозился его сменить, но за истекшие годы так и не решился. Попыхивал папироской молодой курносый Антон Завалинка, который начал работать в угрозыске совсем недавно, дымил душистой сигаретой высокий атлетичный красавец Юра Казачинский, сменивший на своем веку множество профессий и в конце концов приставший к опербригаде Опалина. Все они собрались, чтобы обсудить странное вчерашнее происшествие, в которое оказался замешанным их непосредственный начальник.

– Представь себе, исчез, – сказал Иван в ответ на слова Петровича. – Как сквозь землю провалился. Тот милиционер, Галактионов, здорово разозлился, что я его сдернул с поста. Я ему стал доказывать, что труп был и что не я один его видел. Он к Люсе, Люся от ужаса ревет, мы стучать в театр, но все двери заперты. Наконец отворили нам одну дверь – старый хрыч какой-то, сторож ночной. Как вы смеете безобразничать, говорит, это театр, говорит, академический! Я ему – академический не академический, а тут у вас возле стены труп лежал, где он? Старик вытаращился на меня и чуть не перекрестился, но одумался. Короче, ни о каком трупе он не знает и ничего подозрительного не видел. Представление давно закончилось, все разошлись, в театре никого. А я, как назло, после ресторации с Люсей, и вином от меня пахнет... В общем, тот милиционер, Галактионов, решил, что я с пьяных глаз напридумывал чего-то. И еще сказал, что придется ему бумагу моему начальству составлять – кто да почему его ночью с поста сдернул. Я сказал – да, конечно, составляй, только труп тут точно был, а вот куда он делся, пока мы с Люсей ходили за милицией, это вопрос.

Слушая Опалина, Петрович шевелил своими мохнатыми бровями, что-то обдумывая. Казачинский докурил сигарету и смял ее в пепельнице.

– За театром там что – служебный вход? – спросил он.

– Да у них везде входы! – ответил Опалин с досадой. – Понимаешь, там переулок, почти не освещенный, где с двух шагов не видно ни черта. Дверь не заметишь, пока в нее не уткнешься. А он лежал у стены. Про костюм его я говорил?

Казачинский кивнул.

– Костюм, судя по твоему описанию, балетный, – пояснил Юра. – Сколько ему лет было? Не костюму, а тому, кого ты нашел?

– Я бы сказал – чуть старше двадцати, – без колебаний ответил Опалин.

– А следов крови на земле не было? – подал голос Антон.

– Откуда? Их и не должно было быть. Его оглушили ударом по голове, а затем удавили. И еще... – Опалин нахмурился. – Я, конечно, не доктор, но точно знаю: его убили задолго до того, как я его нашел. Как минимум за несколько часов.

Петрович вздохнул, полез в свой стол, достал оттуда смятую вчерашнюю газету и просмотрел последнюю страницу, на которой обычно печатались программы театров.

– Не мог он несколько часов незамеченным лежать, – решительно возразил Петрович, убрав газету и вытащив изо рта папиросу. – Юра прав: в переулке служебный вход для артистов. Вчера Лемешев выступал, знаешь, какая толпа его после представления поджидает? Труп бы сразу заметили. Нет, тут что-то не то...

– А жилые дома поблизости есть? – спросил Антон. Он горел желанием помочь Опалину, но пока не знал как.

– Есть, конечно. Прямо за театром – трехэтажный дом с колоннами, очень старый.

– Внутри коммунальные квартиры, – уточнил Казачинский. – И большинство жильцов – работники театра.

– А, значит, ты бывал в этом доме? – заинтересовался Антон.

– Приходилось, – ответил Юра уклончиво; но так как в МУРе было отлично известно, что женщины не дают Казачинскому прохода, все и без объяснений поняли, откуда он знает такие подробности. – Там музыканты живут, хористы, балетные тоже.

– Может, расспросить их? – предложил Антон.

– О чем? Надо хотя бы знать, кого мы ищем.

– Парень чуть старше двадцати, из балета, вероятно, работал в Большом театре, – перечислил Опалин. – По-твоему, этого мало?

– Чуть старше двадцати – это, скорее всего, кордебалет, а их в Большом человек сто, если не больше, – заметил Казачинский.

– А кордебалет – это что? – с любопытством спросил Антон.

– Ну смотри: есть балерины и премьеры, эти главные партии танцуют. Потом какие-то промежуточные ступени... Солисты, что ли. У этих в спектакле отдельные номера. А кордебалет – они так, толпу изображают.

– Да? – прореагировал Антон. – Вроде как рядовые, значит. Обидно, наверное, все время толпой ходить...

– Они не ходят, они танцуют, – вмешался Петрович. – Ты что, никогда не был в балете?

Антон покраснел и ничего не ответил. Жизнь его до сих пор складывалась так, что почти все связанное с искусством было от него бесконечно далеко. Опалин нахмурился и послал Петровичу предостерегающий взгляд.

– Да, кстати, – тотчас же перестроился Логинов, оборачиваясь к Ивану, – труп ведь не только ты видел, но и девушка. Она же может подтвердить, что он действительно был...

На лицо Опалина набежало облачко.

– Ты хочешь, чтобы я ее вытащил на допрос? Мы с ней и так уже вчера поссорились из-за этого...

– Допрос не допрос, – напирал Петрович, – но когда придет бумага, что ты зря побеспокоил постового милиционера, тебе надо будет объясниться. Конечно, Николай Леонтьевич скорее поверит тебе, чем им, но...

На столе Опалина хрипло затрещал телефон. Дернув щекой, Иван снял трубку.

– Оперуполномоченный Опалин слушает... Да... Уже иду, Николай Леонтьевич.

Он повесил трубку, затушил в пепельнице папиросу и скрылся за дверью.

– Как бы у него неприятностей не было из-за этой истории, – неожиданно сказал Казачинский.

– Да ладно! Леонтьич его отобьет... – Петрович бросил быстрый взгляд на Юру и решился. – Слушай, а ты сам-то что думаешь? Раз имеешь представление о балетных и даже в их дом хаживал...

– Да какое там представление – так, слышал что-то краем уха, – пожал плечами Казачинский. – Девушка у меня была из хора, а они в опере поют... Встречались, то-се, но не заладилось. Соседка ее из балета забегала иногда в комнату, сплетнями делилась. Ты об Ирине Седовой слышал?

– О ней даже я слышал, – встрял Антон.

– Ну вот, она несколько месяцев назад ногу подвернула. Все надеялись, что теперь-то она танцевать не сможет, как прежде, и ее кто-то заменит. Только она вылечилась и танцует, как прежде. – Казачинский поморщился. – Знаешь, у них очень странный мир. Если кто-то

травму получает, другие прежде всего думают, а не поможет ли это лично им продвинуться. Но вот то, что Ваня рассказал...

– Да? – насторожился Петрович.

– Оглушили и задушили – это же чистая уголовщина, вот я о чем. Там не так счеты сводят. Совсем не так.

– А как? – спросил Антон.

– Как? Ну... Кучкуются, чтобы выжить неугодного. Не пускают танцевать ведущие партии. У них же век короткий – если ты до тридцати не вышел на главные роли, то ничего уже не добьешься. Там вообще много всего, – добавил Казачинский. – Соседка Милы такое рассказывала...

– А, значит, твою девушку Милой зовут?

– Мы расстались, я же говорил. Да какая разница...

Пока опера обсуждали в кабинете Опалина ловушки балетного мира, сам Иван Опалин поднялся на верхний этаж знаменитого здания на Петровке и был принят начальником, Николаем Леонтьевичем Твердовским.

– Что это за история с трупом у Большого? – спросил тот без всяких околичностей.

Он сидел за столом, сцепив пальцы, и своей грузноватой широкоплечей фигурой заполнял все кресло. На стене над его головой висел портрет Сталина.

Иван в очередной раз рассказал, как все было, опустив только некоторые несущественные, по его мнению, детали – вроде бурной ссоры с Люсей по дороге домой. Его превращение из галантного поклонника в жесткого несговорчивого сыщика испугало девушку, и она без обиняков дала ему понять, что им лучше больше не встречаться.

– Мне тут цыдульку прислали, – брезгливо промолвил Николай Леонтьевич и двумя пальцами поднял со стола какую-то бумагу, отпечатанную на машинке и снабженную несколькими размашистыми подписями. – Тут все подано так, что ты, Ваня, был в стельку пьян и зря потревожил милиционера. И вообще так колотил кулаком в дверь театра, что милиционер этот заподозрил в тебе нездоровую склонность к дебоширству...

– Если труп в театральном костюме лежит возле театра, что я должен был подумать?! – не удержавшись, выпалил Иван.

– А труп ли? – прищурился Твердовский. – Ты же, Ваня, знаешь, артисты – тот еще народец... Непростой, словом, народ. Скажи мне, только честно: тебя не могли попросту разыграть?

– И странгуляционные борозды на шее подделали? – вопросом на вопрос сердито ответил Опалин. – Слушайте, он не дышал и уже окоченел! Я вам точно говорю: там был труп... И тот, кто убил его, вовсе не дурак.

– С чего это ты взял?

– Когда я вернулся, исчезло не только тело. Помните, я говорил вам, что зажигал спички, чтобы его разглядеть? Так вот, догоревшие спички, которые я бросал на землю, тоже пропали. Кто-то очень заботится о том, чтобы не оставить следов...

Николай Леонтьевич поскреб подбородок и тяжело задумался. Сталин со стены смотрел на молодого оперуполномоченного взглядом, лишенным всякой симпатии, словно желал сказать: «Ну и влипли же вы, товарищ Опалин...»

– На бумажку эту мы должны дать ответ, – негромко проговорил наконец Твердовский, буравя Ивана взглядом. – Но ты же знаешь, какая у нас волокита... Неделю, я думаю, займет. А может, даже больше...

– Да, Николай Леонтьевич, – пробормотал Опалин, чтобы хоть что-то сказать.

– Если все обстоит именно так, как ты говоришь, речь идет об убийстве. Но мало убить кого-то и спрятать труп, потому что всегда есть родственники, коллеги, близкие люди. Кто-то из них обязательно обратится в милицию. Я распоряжусь, чтобы тебе давали знать обо всех пропавших, которые связаны с Большим театром.

– А может быть...

Опалин хотел предложить сразу же начать поиски в театре, руководствуясь соображениями, которые высказал Казачинский. Но Николай Леонтьевич, должно быть, умел предвосхищать мысли своих подчиненных, потому что сразу же категорично ответил: «Нет».

– Не подходи к театру, пока мы не будем стоять на более-менее твердой почве. Это же Большой, – многозначительно промолвил Твердовский, подняв указательный палец. – Ты знаешь, какие люди там бывают? Туда правительство на спектакли ходит. И маршал Калиновский, и сам товарищ Сталин, и... словом, много кто. Нельзя, понимаешь, просто так вломиться в театр и начать всех допрашивать. Основания нужны. Веские...

Опалин много чего мог сказать – например, что закон для всех един и что совершенно непонятно, почему можно, используя словечко начальника, вломиться на завод, когда ведешь расследование убийства рабочего, и нельзя трогать Большой театр. Но все глубокомысленные, остроумные и даже едкие реплики Ивана были бы в данном случае пустым сотрясением воздуха, потому что решительно ни к чему бы не привели.

– Как скажете, Николай Леонтьевич, – проговорил Иван после паузы, но все же не удержался. – В самом деле, к чему спешить...

Твердовский нахмурился.

– Я ведь могу и другому поручить это дело, – напомнил он.

– Не стоит. Я справлюсь.

В кабинете повисло молчание.

– Ваня, – неожиданно произнес Николай Леонтьевич, и впервые за все время разговора в его голосе прорезались чуть ли не просительные нотки, – не наломай дров. У нас теперь новый нарком, и... словом, не надо нам лишних сложностей. – Он имел в виду Ежова, который в прошлом месяце стал народным комиссаром внутренних дел. – Обстановка непростая, и вообще...

Опалин пообещал, что будет действовать с максимальной осторожностью. Твердовский поглядел в его упрямое открытое лицо, хотел было заметить, что Иван и осторожность – две вещи несовместные, но в последний момент передумал, решив, что это лишнее. Николай Леонтьевич знал, что его подчиненный остро реагирует на некоторые моменты, связанные с работой, хотя во всем остальном не проявляет даже намека на самолюбие.

– Ты бы, Ваня, поискал среди знакомых какого-нибудь осведомленного человечка, – посоветовал Твердовский. – Кто тебе расскажет о Большом, так сказать, изнутри. Тебе же легче будет, когда поймешь, с кем там можно иметь дело, а к кому и подходить не стоит.

– Хорошо, я постараюсь узнать, кто может мне помочь, – кивнул Опалин. – Что-нибудь еще?

– Пока все. Будет заявление, тогда и займешься розыском, – сказал Николай Леонтьевич. – И в театр наведаешься... Свободен.

Выйдя из кабинета начальника, Опалин поймал себя на том, что запутался в сложной смеси ощущений. С одной стороны, он чувствовал облегчение, потому что видел, что Твердовский ему поверил; с другой – Ивану претило прямое приказание осторожничать, а с третьей...

С третьей стороной он и сам до конца не разобрался, и виной тому была незнакомая девушка, вышедшая из тьмы возле театра и исчезнувшая во тьме. Опалин никому еще о ней не говорил – хотя спешившая куда-то незнакомка, которую он встретил недалеко от места, где произошло убийство, просто обязана была привлечь его внимание.

«А не может ли она быть связана с...»

Но ему почему-то не хотелось даже думать об этом.

«Вообще, конечно, надо бы позвонить Люсе, попробовать с ней помириться... Или не стоит?»

Он машинально ответил на приветствия двух оперов, которые шли по коридору ему навстречу, и только потом вспомнил, что оба они ему неприятны. Плечистый здоровяк Манухин был известен тем, что не чурался физических методов воздействия на подозреваемых, а тощий подхалим Лепиков состоял при нем кем-то вроде адъютанта.

– Что-то на Ване Опалине сегодня лица нет, – заметил Лепиков, как только убедился, что Иван отошел достаточно далеко и не может их слышать. – Ты в курсе, как он у театра труп нашел, а потом тот куда-то делся? С пьяным перепутал, наверное. – Он хихикнул.

Однако Манухин, к удивлению Лепикова, не пожелал развивать эту тему.

– Раз Опалин говорит, что видел труп, значит, там был труп, – сухо оборвал прихвостня старший опер. – Главное, чтобы на нас это дело не свалили... Пошли лучше пожрем. Говорят, биточки сегодня в столовке – пальчики оближешь! – И он мечтательно зажмурился.

Глава 3. Ценители искусства

Артель театральных барышников сим имеет честь уведомить, что, для удобства публики, она избрала своим местопребыванием портерню, близ театра.

А. Чехов, «Контора объявлений Антоши Ч.»

Немного поостыв, Иван Опалин все же признал разумным совет начальства разведать через знакомых обстановку в театре, прежде чем туда заявляться. И усилий-то особых вроде не требовалось, потому что Казачинский уже признался в том, что крутил роман с девушкой из оперного хора. Однако едва Опалин сообщил Юре, что хочет поговорить с его знакомой, тот неожиданно заартачился.

– Слушай, ну это же неофициально, ты просто сведешь нас, и я с ней побеседую...

Но Казачинский категорически отказался это делать, и по выражению его лица Иван понял, что настаивать бесполезно.

– Я что, о многом прошу? – не удержался Опалин, когда Юра ушел.

Петрович, разбиравший бумаги на своем столе, поднял голову.

– Ты, Ваня, прости, но ты часто прешь напролом, а в общении с людьми надо нюансы учитывать. Без этого никак, – назидательно промолвил Логинов. – Как только он сказал «Мила», я сразу же вспомнил, когда он прежде это имя упоминал. Плохо они расстались, ясно? Она его променяла на другого, так что он теперь ее даже видеть не хочет.

– Ладно, – смирился Опалин. – Но мне-то что теперь делать? Слушай, а может, среди твоих знакомых кто найдется?

За годы работы в угрозыске Петрович накопил изрядное количество связей в самых разных слоях общества и умело их использовал, когда того требовали интересы дела. Он шевельнул бровями и коротко ответил:

– Может, и найдется. Почему нет?

...Первый блин, впрочем, оказался комом, потому что на назначенную в пивной встречу Петрович привел спекулянта или, как тогда говорили, театрального барышника. По правде говоря, Опалин ожидал увидеть раскормленного рвача с минимумом интеллекта на том, что у других называется лицом, но реальность оказалась куда интереснее. Перед сыщиком предстал пожилой господин – слово «товарищ» к нему категорически не шло – благообразной профессорской наружности, в пенсне и с бородкой клинышком. Он был тих, как ландыш, и учтив, как воспитанница института благородных девиц. Иван уже собирался сердито спросить у Петровича, кого он вообще притащил с собой, когда барышник, который обметал платком стул, прежде чем присесть на него, на мгновение повернулся в сторону Опалина, и из-под пенсне сверкнул такой острый взгляд, что вопрос замер у сыщика на губах.

– Давайте знакомиться, – бодро сказал Петрович, который сел между Опалиным и своим осведомителем. – Иван Григорьич, – кивок в сторону начальника, – Петр Сергеич, – кивок в сторону барышника. – Ну что, возьмем пивка? – Он энергично потер руки.

Опалин и его подчиненный взяли жигулевского, а Петр Сергеич оказался с подковыркой и пожелал портер, который стал пить мелкими глоточками, смакуя, как вино.

– Так что насчет Большого театра? – спросил Петрович, когда стаканы опустели больше чем наполовину и от удовольствия можно было переходить к конкретике.

Петр Сергеич поглядел на Опалина, на Логинова, степенно поправил пенсне и сделал еще несколько глотков.

– Театр... гм... что ж... Приятное место. Не без подводных, так сказать, камней... гм...

– Ты же говорил, что всех там знаешь, – вернул уклончивого барышника на землю Петрович.

– Всех? – поднял брови Петр Сергеич. – Нет... всех знать невозможно, видите ли. Я в основном дружу с... – он опасливо покосился на Опалина, – с кассирами, с кое-кем из капельдинеров...

– А артисты, артисты-то что? – напирал Петрович. – Ты про артистов лучше расскажи.

– Про артистов? Извольте. – Петр Сергеич вздохнул. – Из артистов лучше всего идут Лемешев и Козловский. Они меня и кормят, и поят, и некоторым образом одевают. – Он конфузливо хихикнул. – Молодые девицы без ума от Лемешева. Он, понимаете ли... Одним словом, внешность. Человеку нужна красота, без нее никуда. Ну вот, внешность у него есть. И поет, конечно... У Козловского своя публика, она уже не насчет внешности... гм...

– Ты про балет, про балет говори, – подсказал Петрович, видя, что Опалин стал как-то опасно ерзать на стуле.

– Балет? А, ну да... – Петр Сергеич сделал еще пару глоточков и вперил одухотворенный взор в пространство перед собой. – Балет тоже хорошо идет, особенно Ирина Седова. Мужчины от нее без ума. Женщины в основном ходят на Вольского, особенно когда он всяких принцев танцует, тогда у меня билеты чуть ли не с руками отрывают... гм... Остальные как-то не очень популярны. Ну сами посудите, оперу же часто по радио передают, голоса слышно... А балет – что балет? Его только в самом театре можно увидеть. В прошлом году приезжала из Ленинграда Уланова¹. Знатоки очень хвалили, я надеялся, что билеты хорошо пойдут... Ну, купили, конечно, врать не буду, но с Лемешевым не сравнить. – Он вздохнул, глядя на остатки пены в стакане. – А вообще лучше всего шли билеты на «Дни Турбиных», когда их снова разрешили². Я тогда столько навару сде... Хотя вряд ли это вам будет интересно...

– «Дни Турбиных» – это опера или балет? – спросил Опалин мрачно.

– Это спектакль. Художественного театра, – ответил Петр Сергеич и словно даже немного обиделся, что ему задали такой нелепый вопрос.

Когда после беседы с барышником Опалин в сопровождении Петровича вышел на улицу, Иван неожиданно остановился и захохотал так, что на него стали оборачиваться прохожие.

– Иван Григорыч... – Логинов даже немного покраснел от обиды, но Опалин хохотал настолько заразительно, что Петрович не выдержал и сам засмеялся, махнув рукой.

– И это все, что дает искусство? На ком сколько можно сделать навару? – Иван вздохнул и покачал головой: – Чего-то я не понимаю в жизни, наверное...

Надо сказать, Петрович приложил все усилия, чтобы исправиться, и второй знаток театра, которого он привел к Опалину, оказался бывшим тромбонистом Большого. Это был сухонький, скрюченный гражданин лет 60, с седыми космами, которые артистически обрамляли круглую плешь на макушке. Глаза у него были выцветшие и старческие, но странным образом в них сверкало что-то ястребиное, и Опалин невольно подумал, что перед ним человек с характером. В пивную музыкант идти категорически отказался, и встреча с ним состоялась на живописной Котельнической набережной – где ничто еще не намекало на знаменитую высотку, которая будет тут построена через несколько лет.

– Яков Матвеевич – Иван Григорыч, – представил мужчин друг другу Логинов.

Яков Матвеевич оказался на редкость непоследовательным: сначала он на разные лады требовал доказать ему, что все, что он скажет, останется между ним и сыщиками, причем явно не воспринимал приводимые ему доводы и по много раз с вариациями повторял одно и то же.

¹ Великая балерина Галина Уланова приезжала в Москву на гастроли в 1935 г.

² Пьеса М. Булгакова «Дни Турбиных» была запрещена в 1929-м, ее возобновление на сцене состоялось после сенсационного разрешения Сталина в 1932-м.

– Говорят, сейчас эпоха дела, а я скажу – нет, сейчас эпоха слова. Одно лишнее слово – о-о, знаете, как оно может осложнить жизнь? А то и отнять ее, – добавил он, заговорщицки усмехаясь и трясая космами.

Но когда Опалин уже про себя решил, что из этой второй беседы выйдет еще меньше толку, чем из первой, Яков Матвеевич совершенно неожиданно сменил курс.

– Но я не боюсь, нет, не боюсь. Страх – он, знаете ли, принижает. Он оскорбляет мое человеческое достоинство. – Музыкант всмотрелся своими пытливыми бесцветными глазами в открытое лицо Опалина. – Что вы хотите знать о Большом, молодой человек?

– Все, особенно о балетной труппе. – Иван почувствовал, что попал на благоприятную волну. – Что там за люди, какие между ними отношения. Я слышал, вы много лет проработали в театре...

– О да, – усмехнулся старик, – и все ради того, чтобы меня в итоге вышвырнули оттуда, как собаку. Чем я провинился? Ничем. Стал хуже играть? Ничуть. Так за что меня выставили? А потому что у дирижера появился зять – тромбонист! – Яков Матвеевич нехорошо дернул челюстью, его глаза горели огнем. – Театр, говорите? От театра в нем одна вывеска, а под этой вывеской такое творится...

И он испустил до того странный смешок, что даже выдавшему виды Петровичу стало малость не по себе. «Свихнулся он, что ли, после своего увольнения? – с тревогой подумал Логинов. – Вот будет номер... Ваня мне голову оторвет».

– И что же там творится? – спросил Опалин, который неизменно сохранял доброжелательный вид.

– О-о, если б можно было просто все это взять и описать! – протянул старик. – Я много лет проработал в театре, как до меня мой отец. Видите ли, раньше, при царях, Большой был... Ну, словом, на первом месте стоял Мариинский театр в Петербурге. Большой, конечно, не забывали, но... Он, так сказать, не слишком котировался. Конечно, у нас тоже бывали интриги и разные недоразумения... назовем их так... но, в сущности, ничего серьезного. А когда Большой сделали первым театром страны... – Яков Матвеевич горько покачал головой. – Сколько честолюбий разом схлестнулось на его милой сцене и особенно за кулисами... У меня сердце разрывается при мысли о том, чем театр был раньше и чем он стал теперь.

– Что ж, у вас там убивают друг друга, что ли? – спросил Опалин небрежно.

– Упаси бог! – с чувством воскликнул Яков Матвеевич. – Зачем же убивать, когда есть другие, совершенно безопасные способы избавиться от соперника! На моих глазах люди теряли свои места из-за того, что у них имелись неблагонадежные родственники, например. Или даже обошлось без родственников, просто по пьяни кто-то что-то сболтнул на общей кухне... Впрочем, чаще всего, как и прежде, в ход идут более простые и проверенные методы.

– Какие именно?

– А вы не догадались? Ведь это же совершенно очевидно. А объяснять... Ну вот, например, вы слышали о Елизавете Лерман?

– Это балерина, которой несколько лет назад вручили орден? – вспомнил Опалин прочитанное когда-то в газетной статье.

– Дивная женщина, – кивнул Яков Матвеевич и совершенно нелогично добавил: – Все в театре ее ненавидят. Ей уже сорок девять, хотя она всем говорит, что ей сорок два, и даже в паспорт ухитрилась протащить неправильную дату. Елизавета Сергеевна танцевала еще перед царем... Злые языки уверяли, что мечтала попасть в кшесинские, но не вышло. Стало быть, десятые годы, она прима-балерина, двадцатые – все еще прима и танцует первые партии, а тут и тридцатые подоспели. С одной стороны, возраст, с другой – Лерман же знает, что такое Большой театр. Даже в молодости одним мастерством и любовью публики тут не удержишься. Другое дело, если за тобой стоит... ну, к примеру, товарищ Калиновский. Конечно, он больше по военной части, но балет... к балету тоже неравнодушен, очень даже неравнодушен. До царя

в свое время Елизавета Сергеевна не добралась, но все остальные у нее были... словом, для карьеры самое оно: ни одного меньше генерала или директора театра. У нас уж судачили, что она и в семьдесят будет танцевать первые партии, и особенно ей подойдет роль в «Дочери фараона»³, где героиня восстает из мертвых. Но как Елизавета Сергеевна ни следила за своим товарищем, а не уследила – ушел он от нее к Ирочке Седовой. Теперь наш товарищ уже маршал, а Ирочка – главная балетная звезда. Заслуженно? Пожалуй, но только, если бы не Калиновский, не подвинуть бы ей Лерман никогда. До Ирочки Елизавета Сергеевна с успехом всех соперниц сжирала, а тут ей попался такой кусок, которым она поперхнулась.

– Хотите сказать, что в наших газетах врут, когда пишут, что мы сумели изжить постыдные моменты буржуазного театра? – не удержался Опалин.

– А в наших газетах вообще много врут, – безмятежно ответил Яков Матвеевич. – Нет, если хотите, можете верить, что Ирочка стала первой балериной исключительно благодаря таланту и трудолюбию. Талант у нее есть – гения нет, не Павлова⁴ она и не Спесивцева⁵, увы. Гением... – старик на мгновение задумался, – пожалуй, гением я могу назвать только Алешу Вольского, и то – выступает он неровно. То летает, как бабочка или Нижинский⁶, то еле-еле ноги по сцене передвигает. Вот он, кстати, орденов не имеет, и в газетах о нем нечасто пишут, потому что за ним никто не стоит. Зато Лерман – орденосная, и Седова – заслуженная... Кстати, вы знаете, что звание заслуженного артиста было еще при царе? Ничего-то в театре не меняется, ничего!

Петрович пожегся и поглубже засунул руки в карманы своего тулупа, в котором ходил большую часть года, потому что был отчаянным мерзляком. Дул ветер, на серой воде Москвы-реки покачивались утки, одна из них сердито закричала и поплыла прочь, другие, поколебавшись, последовали за ней.

– Скажите, вы хорошо знали артистов кордебалета? – спросил Опалин.

– Не особенно, – ответил старик равнодушно. – Все кордебалетные себе на уме и все одинаковы: мечтают любой ценой пролезть в туалеты⁷. Только вот мало кому это удается.

Опалин постарался как можно точнее описать молодого человека, труп которого он видел возле Большого театра. Брюнет, среднего роста, глаза карие, брови прямые, костюм... Но Яков Матвеевич только повторил, что понятия не имеет, о ком идет речь.

– Попадете в театр, – сказал он, – советую вам тщательно взвешивать каждое свое слово. Вы, кажется, неглупы, хоть и строите из себя простачка, – продолжал старый музыкант, усмехаясь. – Так вот, учтите: в театре вас раскусят в два счета. Не верьте ничему, что вам будут говорить, и особенно не верьте, когда они начнут разглагольствовать про искусство. Настоящее искусство они не способны распознать, даже когда с ним столкнутся. Петр Ильич Чайковский свое гениальное «Лебединое озеро» написал для балерины Гейтен, которая заявила, что под такую музыку танцевать невозможно. Это, в сущности, все, что вам надо знать о людях, которые якобы не могут жить без искусства...

Холодный ветер дул с реки, гладь со стальным отливом морщилась. Опалин не признавался себе, но был почти рад закончить этот утомительный разговор с человеком, отлученным от театра, который он считал своим долгом возненавидеть – как ненавидят бывшую жену, которая давно и счастливо живет с другим и думать о тебе забыла.

³ «Дочь фараона» – балет Цезаря Пуни.

⁴ Анна Павлова (1881–1931) – великая русская балерина.

⁵ Ольга Спесивцева (1895–1991) – выдающаяся русская балерина.

⁶ Вацлав Нижинский (1889–1950) – великий танцовщик и хореограф.

⁷ То есть звезды.

В известном всей Москве здании МУРа на Петровке Опалин возле своего кабинета столкнулся с Казачинским и по торжествующему выражению его лица понял, что дело сдвинулось с мертвой точки.

– Есть заявление, – сказал Юра. – Виноградов Павел Борисович, тысяча девятьсот пятнадцатого года рождения, артист кордебалета. Вместе с матерью и сестрой проживал в коммунальной квартире на Арбате... Утром три дня тому назад ушел в театр и домой не вернулся. Думали, что он мог переночевать у своего приятеля, который живет в Щепкинском проезде⁸ – это тот самый дом за театром. На следующий день забеспокоились, стали искать – приятель сказал, что последний раз видел Павла в театре после репетиции и понятия не имеет, куда тот делся... Вот такие дела.

– Зови Антона, – распорядился Опалин. – Вы с ним поедете в Щепкинский, опросите приятеля и его соседей. Вообще – кто где был, может, что видел в ту ночь... Я на Арбат, поговорю с семьей. Петрович, ты на телефоне, обзваниваешь морги. Прошло немало времени, где-то уже труп мог объявиться... Если что важное, созваниваемся с Петровичем, всю информацию передаем ему. Я тоже буду звонить, само собой. Вперед!

⁸ Щепкинский проезд – старое название переуллка за Большим театром, выходящего на Петровку.

Глава 4. Осколки

– Вы понимаете что-нибудь в театре?

– Что тут понимать? Тут и понимать-то нечего.

А. Аверченко, «Призвание»

Бывают коммунальные квартиры, похожие на пещеры, в которых можно встретить кого угодно, вплоть до доисторических чудовищ. Бывают похожие на спичечные коробки, в которые кое-как втиснуто множество безликих людей-спичек. Бывают коммуналки, пропахшие кислыми щами и невзгодой, которая словно витает в воздухе; там постоянно плачут и болеют дети, а взрослые всегда ухитряются поругаться на ровном месте. Поднося палец к пуговке электрического звонка, Опалин не пытался угадать, какая именно коммуналка ему попадется сейчас. Значение имело только одно: чем больше людей толкнутся в общем пространстве, тем больше они могут рассказать друг о друге, а значит, и о Павле Виноградове, который в данный момент особенно его интересовал.

Под звонком красовался список жильцов, исполненный очень красивым почерком с множеством завитушек. Опалин бросил на список быстрый взгляд, изгнал из головы размышления о том, кто мог писать так заковыристо, и решительно позвонил:

«Виноградовы – 4 коротких звонка».

За дверью залаяла собака, судя по голосу, маленькая, но напористая. Кто-то прикрикнул на нее, потом по полу зашлепали задники домашних туфель, потом вяло перебросились репликами два или три невидимых человека, потом послышались легкие стремительные шаги, загремел отпираемый замок, и дверь распахнулась. На пороге стояла старшеклассница в коричневом школьном платье и черном фартучке. Темные косы ее спускались до пояса. Алые и белые пятна странным образом чередовались в ее свежем миловидном личике. Темные, чуть навывкате глаза вопросительно уставились на гостя.

– Оперуполномоченный Опалин, по поводу заявления о пропаже человека. Вы родственница Павла Виноградова?

– Да, я Ляля... то есть Елена. Я его сестра. Проходите, пожалуйста...

– Мама ваша дома?

– Мама... да.

– Мне придется задать вам обоим несколько вопросов. – Он произносил скучные казенные фразы, не пытаясь сдобрить их улыбкой, но и не уходя в чрезмерную сухость. Кое-кто – к примеру, мальчик, оказавшийся в коридоре, или высунувшаяся из комнаты немолодая полная женщина с шалью на плечах – вполне мог бы счесть Опалина бессердечным типом, но он отлично знал, что на взбудораженных, взвинченных людей официальный тон может подействовать успокаивающе. Видя, что краснота стала мало-помалу уходить с лица Ляли, он понял, что достиг цели.

– Конечно, мы вас ждали... И мы все расскажем... Просто мы уже не знаем, что думать... Павлик никогда так не поступал... – Ляля выпаливала фразы скороговоркой, в промежутках бросая на Опалина быстрые взгляды, в которых надежда и тревога странным образом мешались с любопытством. – Вы будете снимать пальто? Вешалка в коридоре... Бетти, фу! Бетти, уйди... Ваня, заberi ее!

Собачка, выбежавшая из комнаты за мальчиком, пару раз для острастки гавкнула на Опалина, после чего маленький вихрастый тезка Ивана взял ее на руки и унес. Снимать верхнюю одежду Опалин не стал – общие вешалки в коридоре не внушали ему доверия еще с тех пор, когда он работал в отделе по расследованию краж. Пожилая гражданка с шалью на плечах скрылась у себя, на прощанье бросив так, чтобы ее все слышали:

– И зачем только милицию тревожат? Ясно же, что все из-за женщины... Любовь! Что с ним могло случиться?..

Она включила радио, по которому передавали какую-то научно-популярную лекцию. Следуя за Лялей до комнаты Виноградовых, Опалин машинально отметил про себя, что соседка через минуту выключила радио, а вместо него завела патефон.

– Мама! Вот... из милиции пришли...

Уют. Бесподобный, неподражаемый уют! Для Опалина, который с отцом-швейцаром долгое время жил под лестницей, а потом мыкался по знакомым, ночевал, бывало, на вокзалах и даже на улице, уют имел значение первостепенное. И можно, можно, конечно, унизиться до перечисления: на окнах – кисея и лимонно-желтые занавески, всюду салфеточки, дивная старая мебель надраена до блеска, на угловом столике – клеточка, и в клеточке порхает солнечная птица – канарейка; но вовсе не сумма предметов создает то неуловимое, что зовется уютом. Впрочем, Опалин сразу же забыл о нем, как только поймал взгляд женщины, полулежащей на диване, и уловил запах валерьянки. Раскололся уют, дал трещину. Был сын – и исчез.

– Простите, – пробормотала женщина, поднимаясь и кое-как садясь, – я сейчас не очень хорошо себя почувствовала... Присаживайтесь, пожалуйста, где вам удобно...

Прическа у нее сбилась на сторону, несколько шпилек выпало, и хозяйка стала наскоро поправлять волосы. Такая же темноволосая, как ее сын, с такими же бровями и довольно широким лицом. Опалин сел на стул и подумал, что ей должно быть хорошо за сорок, но она была стройна и моложава, и на вид ей нельзя было дать больше тридцати пяти.

Где-то хлопнула дверь, потом кто-то прошел по коридору, ступая по-мужски тяжело. Сладострастно курлыкал патефон на другом конце коммуналки. Ляля стала возле матери, не сводя с Опалина огромных темных глаз. Один раз мать уронила на пол шпильку, и дочь тотчас же подобрала ее.

– Вы Екатерина Арсеньевна Виноградова, и именно вы заявили о том, что ваш сын Павел шестнадцатого октября не вернулся домой, – начал Опалин. – Правильно?

– Я не знала, что думать, – удрученно пробормотала женщина. – В театре его не было, у Володи тоже... Ляля сказала: «Мама, надо идти в милицию». Я не хотела...

– Почему? – быстро спросил Иван.

Собеседница поглядела на него с изумлением.

– Я никогда не имела дела с милицией... Я совершенно не знаю, как... и вообще... Я хотела посоветоваться с... с Борисом, но к телефону подошла домработница, она у них ужасно глупая...

Легкая пауза перед именем «Борис» и сама форма имени – не Боря, а именно Борис – говорили о многом. Опалин сразу же вспомнил, что отчество у Павла было Борисович. Значит, мать, прежде чем идти в милицию, решила посоветоваться с отцом, который живет отдельно. Вряд ли Виноградовы расстались хорошо, мелькнуло в голове у Ивана. Он уже заметил, что, хотя в комнате присутствовали многочисленные фотографии самой хозяйки, ее сына и дочери, нигде не было видно и следа человека, который являлся отцом детей.

– А кто такой Володя? – спросил Опалин.

– Володя Туманов, друг Павлика, – пояснила Ляля. – Они вместе учились в хореографическом, и их обоих приняли в Большой театр.

– В кордебалет?

– Это только начало, – отозвалась мать. – У Павлика большой талант. Он там надолго не задержится.

Опалин нахмурился. Он знал, что Виноградов действительно не задержится в кордебалете, но не из-за таланта, а потому, что был мертв; но упоминать об этом до обнаружения тела было как минимум преждевременно. Больше всего Ивана смущало то, что он никак не мог подыскать определения людям, с которыми столкнулся. Екатерина Арсеньевна хорошо одева-

лась, говорила как человек образованный и поддерживала уют, живя в коммунальной квартире. Но в третьем часу дня она находилась дома, а не на работе. И еще, хотя она была в высшей степени удручена, но все же говорила с Опалиным так, словно делала ему одолжение.

– Скажите, Екатерина Арсеньевна, вы хорошо осведомлены о жизни вашего сына?

– Разумеется, – с некоторым даже высокомерием ответила Виноградова. – Он ничего от меня не скрывал.

Опалин понял, что ему не повезло. Когда родители так говорят, это значит, что дети скрывают от них все, что только возможно.

– Он с кем-нибудь ссорился в театре? Или вообще?

По глазам Ляли он понял, что ей что-то известно. Но ответила мать, к которой и был обращен вопрос:

– Что вы, какие ссоры! Мой Павлик совершенно не такой...

Для проформы Опалин задал еще несколько вопросов: не мог ли Павлик куда-то уехать, не предупредив родных, не жаловался ли он в последнее время на какие-то сложности, не было ли в его поведении странностей. Но Виноградова твердо держалась раз избранной линии: Павлик – чудесный мальчик и в его жизни все было прекрасно, безоблачно и идеально.

– Вы хотите что-то добавить? – отчаявшись, спросил Опалин у Ляли. Она порозовела.

– Нет, – выдавила из себя девушка.

Конечно, в присутствии матери она ничего не скажет. Иван знал, что сердиться непрофессионально, и все же его стала разбирать злость.

– Теперь я попрошу вас в подробностях вспомнить все, что было в последний день, когда вы видели... – он чуть было не сказал «Павлика», но вовремя спохватился, – Павла Виноградова.

– А что вы хотите знать? – плаксиво спросила Екатерина Арсеньевна. – Это был самый обычный день... – Опалин сделал нетерпеливое движение, показывая, что ждет подробностей. – Встал он в восемь, как всегда, в десять у него класс...

– Он что же, до сих пор в школу ходит? – изумился Опалин. По всему выходило, что Павлу был двадцать один год – слишком почтенный возраст, чтобы сидеть за партой.

– Класс – это экзерсис, – пояснила Ляля, и по ее тону Иван понял, что она озадачена его вопросом.

– Простите, вы к балету совсем не имеете отношения? – недоверчиво спросила Елизавета Арсеньевна.

Было бы странно, если бы оперуполномоченный Опалин, который ловил бандитов и убийц, имел отношение к балету, но вопрос был задан как нечто само собой разумеющееся. Иван ограничился тем, что просто покачал головой.

– Класс – это ежедневные упражнения у станка, – объяснила Виноградова, чем запутала дело еще больше.

– Станок – это такая палка у стены, на нее опираются, когда делают балетные упражнения, – пришла на помощь матери Ляля, видя выражение лица Опалина.

«Как у них все сложно, однако», – подумал Иван.

– Скажите, сколько длится класс? – спросил он вслух.

– Час, но может быть и больше. Это уж как педагог решит, – отозвалась мать.

– То есть после одиннадцати Павел должен был вернуться домой?

– Нет, почему? У него же репетиция еще была.

– Что за репетиция?

– «Лебединое озеро», он там занят в третьем акте.

– Когда именно началась репетиция и сколько она продолжалась?

– Я не знаю, – с некоторым неудовольствием ответила мать. – Понимаете, репетиция – это сложный процесс, тем более что Палладий Андреевич – человек требовательный.

– Кто такой Палладий Андреевич? – терпеливо спросил Опалин.

– Вы что, никогда о нем не слышали? – искренне поразились Екатерина Арсеньевна. – Палладий Андреевич – это же Касьянов, балетмейстер!

– Он ставит все танцы, – тонким неприятным голосом проговорила Ляля, которую, очевидно, утомила необходимость все разжевывать несообразительному гостю.

– В смысле – ставит? – машинально спросил Опалин. – Я думал, этот балет существует так давно, что все танцы уже известны.

В комнате наступило тяжелое молчание. Две пары глаз смотрели на Ивана так, словно увидели не современного человека, а какого-то неандертальца.

– Видите ли, – наконец промямлила Екатерина Арсеньевна, – в балете все немного сложнее...

– Балетмейстер имеет право изменять танцы, сочинять новые и переставлять музыкальные номера, если сочтет нужным, – сердито проговорила Ляля, тряхнув косами. – Вообще «Лебединое озеро» считалось как бы женским балетом, но Палладий Андреевич хочет уравновесить главные партии, женскую и мужскую. Это я вам упрощенно объясняю, там все гораздо сложнее, конечно, в том числе и из-за Вольского, который вторые роли не танцует, а если и станцует, то так, что публика, кроме него, никого видеть не будет. Поэтому Палладий Андреевич и должен сделать так, чтобы все были довольны. И вообще балетмейстер – главный человек в спектакле.

– А как же исполнители? – не удержался Опалин.

– Ну что – исполнители? – пожала плечами хозяйка дома. – Конечно, от них многое зависит. Но, например, Седова ни одной вариации себе придумать не способна, все делает балетмейстер.

У Ивана уже голова шла кругом.

– Вариация – это танец, – сжалась над ним Ляля.

– Ваш сын танцевал с Седовой? – наугад спросил у хозяйки Опалин.

Екатерина Арсеньевна поджала губы, и Иван понял, что допустил очередной промах.

– Так говорить не совсем корректно, – с явным неудовольствием промолвила Виноградова. – Они должны были выступать в одном спектакле.

– В «Лебедином озере», которое ставит Касьянов?

– Вы угадали, – с облегчением ответила хозяйка дома.

Итак, примерный юноша Павлик Виноградов отправился в театр, где у него состоялся класс, а потом репетиция «Лебединого озера», был где-то убит и через несколько часов в виде бездыханного тела попался на глаза оперуполномоченному Опалину и его спутнице. После чего труп загадочным образом исчез.

Глава 5. Недомолвки и тайны

*Вселенная – театр. Россия – это сцена.
Игорь Северянин, «Сонет»*

– Вы не знаете, ваш сын выходил из театра днем? – быстро спросил Иван. – Мог... ну я не знаю... пойти к какому-то знакомому или просто перекусить?

– В театре есть буфет, – с великолепным презрением ответила Екатерина Арсеньевна. – А к Володе Павлик в тот день не заходил.

– А кроме Володи у вашего сына не было друзей? Или девушки?

По выражению лица Виноградовой он сообразил, что допустил чудовищную бестактность.

– Какие странные вопросы вы задаете, – пробормотала Екатерина Арсеньевна. – Разумеется, у него не было девушки, потому что... потому что иначе я бы знала.

Ляля как-то странно покосилась на мать, но ничего не сказала. «Сестре что-то известно, – подумал Опалин. – Неплохая семья, и люди вроде хорошие, но... почему меня тянет уйти и никогда больше сюда не возвращаться?»

Он поглядел на дверь, которая вела в смежную комнату, и спросил:

– Там комната вашего сына? Мне нужно взглянуть.

– Это обязательно? – нервно спросила Екатерина Арсеньевна.

– Разумеется, поскольку я его ищу, – буркнул Опалин, поднимаясь с места. Но он не учел, с кем имеет дело.

– Могу вас заверить, что в комнате его нет, – едко отозвалась хозяйка.

Притворившись, что не заметил шпильки в свой адрес, Иван открыл дверь. Нигде ни соринки, все вычищено до блеска. Книжный шкаф, гардероб, довольно большая кровать, бюро, два стула с гнутыми ножками; на стенах – акварели в рамках. Почему-то уют здесь произвел на Ивана гнетущее впечатление – вероятно, потому, что он уже знал, что это комната покойника.

– Я бы не хотела... – начала Екатерина Арсеньевна, видя, как он один за другим выдвигает ящики бюро. – И что, собственно, вы хотите найти? – уже сердито спросила она.

– Ваш сын вел дневник?

– Нет.

– Кроме балета в его жизни были еще какие-то увлечения?

– Какой вы странный, – с упреком промолвила Екатерина Арсеньевна. – При чем тут увлечение, когда речь идет о призвании...

– Ну чем-то же еще он занимался?

– Любил читать книги, собирал марки. Этого достаточно?

– А в комсомоле он состоял?

– Разумеется.

Разговаривая с Виноградовой, Опалин быстро просматривал содержимое ящиков. Альбомы с марками, скрепки, старые конверты, какие-то тесемки, матерчатые туфли, причем явно сношенные, банка вазелина для волос и среди всего этого хлама – запрятанная на дно ящика фотографическая открытка. Балерина стоит на пуантах в томной позе, подпись – Ирина Седова. Перевернув открытку, Опалин увидел строчки, идущие наискось, с хорошо продуманной небрежностью: «Весь мир – театр. И. Седова, 22 февраля 1935».

– Я уже вам сказала, что он не вел дневника, – проговорила Екатерина Арсеньевна высоким злым голосом. Судя по всему, она болезненно переживала вторжение постороннего в то, что считала личным пространством своего сына.

– Прошу прощения, – сухо сказал Опалин, возвращая открытку на место и задвигая ящик, – но это моя работа.

– Рыться в чужих вещах?

– Мама, перестань, – пробормотала Ляля. Она стояла на пороге комнаты за своей матерью, которая напряженно следила за действиями Опалина и, кажется, мечтала только об одном: чтобы он поскорее ушел.

– Во что ваш сын был одет, когда вы видели его в последний раз? – спросил Иван, переборов сильнейшее искушение сообщить Виноградовой, что ее бесценный Павлик мертв и что ей совершенно не на что надеяться.

– Одет? Ну... как обычно...

Когда они вернулись в главную комнату, Екатерина Арсеньевна немного успокоилась, и в несколько приемов Иван вытянул интересующие его подробности. Серый костюм, черные ботинки, темно-синий галстук, вязаная черная шапочка и такой же шарф, а куртка коричневая, на меху, очень хорошая куртка.

– Может быть, все из-за нее произошло? – с тревогой спросила Екатерина Арсеньевна, забыв свою неприязнь к Опалину. – Может быть, его ударили по голове, он потерял память... Лежит где-нибудь в больнице, а мы даже не знаем, где его искать... Боже мой!

Она заплакала – сначала негромко, потом навзрыд, и уже платок не помогал, и дочь бросилась за валерьянкой, к которой, судя по всему, сегодня пришлось прибегать не впервые.

– Мама, не надо... Мамочка, милая, ну что ты! Ну доктор Парчевский же сказал, что тебе нельзя волноваться... Ну мама...

Ляля с потерянным лицом суетилась возле матери и то совала ей валерьянку, то неловко гладила по плечу. Опалин глядел на ширмы, за которыми, судя по всему, стояли кровати, и думал, что Павлика-то Екатерина Арсеньевна любила больше, чем дочь. У него была своя комната, а у Ляли – только угол. И все, что делала дочь, Виноградова принимала как должное.

– Скажите, вы видели его театральный костюм? – спросил Иван, постаравшись принять простодушный вид. – В котором он должен был выступать в этом... в «Лебедином озере»?

– Конечно, видела, – отозвалась Екатерина Арсеньевна, вытирая слезы. – Мне не нравится, как они в театре гладят костюмы, я всегда говорю ему, что наглажу лучше, а если надо, и постираю. У него был очень хорошенький костюмчик, с большим вкусом сделан. Колет вишневый и черный, с вышивкой и позументами, еще рубашечка и трико. Просто прелесть, а не костюм. – Она говорила, и губы ее дрожали.

Канарейка запрыгала в клетке и засвистела.

– Что такое колет? – устало спросил Опалин.

– Это вроде как камзол, – объяснила Ляля. – Ну, или курточка, что ли...

– Мы так ждали, когда Павлик станцует в этом балете, – простонала Екатерина Арсеньевна. – Ума не приложу, куда, ну куда он мог запропасться...

Опалин пообещал, что они обязательно найдут – приложат все усилия – и уж, конечно, проверят все больницы, после чего пересел поближе к столу и стал заполнять протокол, перенося в него самое важное из услышанного. Для протокола Ивану пришлось запросить данные о хозяйке дома. Оказалось, что Виноградова – художница, работает в Театре рабочей молодежи, более известном как ТРАМ, а ее бывший муж, тоже художник, занимается оформлением новых станций метро. Почему-то Иван не сомневался, что акварели на стенах здесь и в комнате сына принадлежали ей, и вынужден был признаться себе, что они ему не нравятся. В них чувствовалось нечто слащавое и в то же время неприятное, несмотря на все усилия автора расположить к себе.

– Все, что вы видите на стенах, – это моя работа, – горделиво промолвила Екатерина Арсеньевна, перехватив взгляд гостя.

Опалин ограничился тем, что глубокомысленно изрек: «А-а!»

– Но я, знаете, не всегда рисовала. В молодости я хорошо танцевала, – добавила Екатерина Арсеньевна. – Однажды меня похвалила сама Айседора Дункан... Я не раз видела ее вместе с Есениным.

Опалин отлично знал, кто такой Есенин, но предпочел прослыть неучем и воздержаться от расспросов, которые лично ему абсолютно ничем помочь не могли. Когда Екатерина Арсеньевна витиевато расписалась, он понял, что именно она составляла список жильцов, который он видел на входе.

– Ваш сын общался с кем-то из соседей?

На лице Виноградовой отразилось нечто вроде паники, и, тщательно подбирая слова, она стала объяснять, что ее Павлик – натура артистическая, а соседи... они, как бы сказать... хорошие люди, но...

– Я все же поговорю с ними, – объявил Опалин, поднимаясь с места.

И он пошел по комнатам, в которых обнаружили шофер, рабочий ночной смены, бывший присяжный поверенный, три osoby неопределенных занятий, одна маникюрша, пожилая пара, одна черепаха, немолодая гражданка с шалью (та самая, что сначала включала радио, а затем патефон) и несколько детей разного возраста.

Опалин разговорил всех, кроме черепахи, и узнал массу подробностей как о житье-бытье Виноградовых, так и о пропавшем Павлике. Большинство сходилось на том, что Екатерина Арсеньевна «много о себе воображает» и «хорошо устроилась», потому что живет на средства, которые ей щедро предоставляет бывший муж. При этом она сумела воспитать детей так, что они верят, будто всем ей обязаны, а отца, который нашел другую семью, считают предателем. Что касается Павлика, то он на всех производил впечатление чистенького, милого юноши, и никто не верил, что с ним могло случиться что-то серьезное.

– Конечно, тут замешана женщина, – с усмешкой сказала Опалину соседка с шалью. – Екатерина Арсеньевна всех хотела держать на коротком поводке, но природу не удержишь...

Опалин уже уходил, когда у дверей его догнала Ляля. Лицо ее выражало внутреннюю борьбу.

– Вы спросили, с кем брат ссорился в театре, – выпалила она скороговоркой. – Не знаю, может быть, мне не стоит говорить...

– Стоит, – заверил ее Иван. – Так что там произошло?

Ляля поглядела на него, ее губы задрожали.

– Что-то ужасное, я не знаю что, – проговорила она, волнуясь. – От *нее* он все скрывал, но от меня – нет. Я видела, что он ужасно взволнован... Он сказал, что его даже могут выгнать, что он совершил большую ошибку и нажил серьезного врага. – Она увидела выражение лица Опалина и прижала руки к груди. – Клянусь вам, это все, что я знаю!

– Когда именно он сказал вам, что совершил ошибку?

– За день до того, как не вернулся домой.

– И у вас нет никаких соображений, что именно он имел в виду?

Ляля покачала головой.

– А девушка? Она ведь у него была?

Его собеседница сердито сверкнула глазами, сделавшись в этот момент до крайности похожей на мать.

– Никого у него не было. Он сам себе все напридумывал...

– Что напридумывал, Ляля?

– Ничего. Это не имеет значения... – Она пытливо всмотрелась в его лицо. – Вы ведь найдете его, правда? Вы найдете его?

Опалин быстро кивнул и удалился. Дойдя до ближайшего телефона-автомата, он позвонил Петровичу и узнал, что поиск в моргах ничего не дал, а Юра Казачинский и Антон еще не возвращались.

Глава 6. Щепкинский проезд

Все больше и больше приходится убеждаться, что артисты почти ничего не имеют общего с искусством и театром.

В. Теляковский, «Дневник», 15 ноября 1901 г.

Нельзя сказать, что Казачинский отнесся с большим энтузиазмом к поручению Опалина идти в дом на Щепкинском проезде, где Юре почти наверняка предстояло столкнуться с бывшей пассией. Притом что человек он был открытый и, что называется, душа нараспашку, самолюбие его не дремало, и раны, ему нанесенные, молодой сыщик помнил долго. Впрочем, в некотором роде его успокаивало то обстоятельство, что Опалин отправил с ним вместе желторотого Антона Завалинку, которому надо было набираться опыта.

«В крайнем случае поручу ему Милу, а сам возьму на себя убитого приятеля», – думал Казачинский.

Что касается Антона, то он немного нервничал при мысли, что ему, возможно, придется в одиночку опрашивать свидетелей. Антон был человеком действия, и в этом отношении его можно было просить о любой услуге, но всякий раз, когда требовалось просто наладить словесный контакт и узнать необходимую информацию, он терялся. Он был маленький, шуплый, отчаянно курносый, и хотя внешне Завалинка храбрился и с задором поглядывал на окружающих из-под козырька своей кепки, его не оставляло ощущение, что его не принимают всерьез. Кроме того, ему предстояло иметь дело с артистами, а эту среду он не знал, боялся наделать ошибок и подвести товарищей. Про себя Антон решил, что будет тенью следовать за Казачинским и ни в коем случае не станет сам заниматься опросом жильцов.

О трехэтажном доме за Большим театром можно было, как о женщине, сказать, что он сохранил следы былой красоты, но этими следами его привлекательность и ограничивалась. Лестницы были высокие и грязные, откуда-то воняло пригоревшей картошкой, в одной из комнат коммуналки кто-то распевался, из другой доносились звуки рояля. Взъерошенный мужчина в штанах на подтяжках, который открыл операм дверь, не снисходя до приветствий, безнадёжным тоном промолвил:

– Свадьба не здесь, а наверху! На третьем этаже!

– Мы из угрозыска, – объявил Казачинский, предъявляя удостоверение. – Владимир Туманов дома?

– Володя... – Мужчина явно растерялся. – А что он натворил?

– А что, должен был что-то натворить? – пожал плечами Казачинский. – Его приятель куда-то исчез, мы выясняем куда.

– А! – с облегчением выдохнул мужчина. – Простите, тут такой суматошный день... И еще эта свадьба. Почему-то к нам все ломаются и ломаются... Я Виктор Туманов, – с опозданием представился он, – отец Володи.

Представиться-то представился, но руку не протянул.

– Так ваш сын дома? – не утерпел Антон, которому старший Туманов с ходу не понравился.

– Нет его, – сокрушенно ответил отец. – Он в театре.

– Так мы его подождем. – И Юра решительно вошел, отеснив Туманова от двери.

– Он только часа через два может вернуться, – забормотал Туманов. – Или через три...

– Не страшно. – Юра ослепительно улыбнулся, и Антон машинально отметил про себя, что Туманов при виде этой улыбки сделался еще напряженнее, чем был. – Скажите, вы хорошо знали Павла Виноградова?

– Павлика? Ну, знал, – как-то неопределенно ответил Туманов и стал правой рукой чесать затылок с левой стороны, но тотчас спохватился и принялся приглаживать волосы.

На вид этому невысокому brunetu с усами щеткой и мешками под глазами было лет сорок пять. Брюки казались ему велики на два размера, и выглядел он в них немного комично.

– Его мать очень беспокоится, – сообщил Казачинский, дружелюбно глядя на собеседника. – Места себе не находит. Да и как-то странно – третий день от него нет вестей. Я вот думаю – может, у него любовь случилась? Дело молодое...

Виктор Туманов забормотал, что он не думает... и вообще, насколько он знал Павлика... хотя, с другой стороны...

– Вы человек взрослый, опытный, мне очень важно знать ваше мнение, – объявил Казачинский. – Давайте поговорим у вас в комнате, не в коридоре же стоять... Антон! Ты пока побеседуй с другими жильцами, может, они что вспомнят...

Антон затосковал. Телефон, висевший на стене, разразился хриплым треском. С двух концов коммуналки к нему одновременно рванулись пышнотелая гражданка лет сорока пяти и легконогая нимфа двадцати с небольшим. Силы были неравны, и пышнотелая посрамила нимфу, добравшись до аппарата первой.

– Алло! Вася, это ты? Вася!

– Не занимайте телефон надолго, – прошипела нимфа, страдая от своего унижения.

Пышнотелая махнула на нее рукой, толщины которой другому человеку хватило бы на ногу, и затараторила в трубку высоким голосом:

– Как доехал? Чемоданы не потерял? А кашне? Вася, я умоляю! Стоит приоткрыть окно, и у тебя начинается бронхит! Не забудь про кашне! Только воспаления легких тебе не хватало...

Казачинский подмигнул нимфе и удалился вместе с Тумановым, а Антон подумал, что надо бы обойти комнаты, но почему-то оказался на пустой кухне, где стояли простые дощатые столы и разнокалиберные стулья. Пересчитав последние, Завалинка убедился, что в квартире проживает никак не меньше двадцати шести человек, и покрылся холодным потом.

А ведь есть еще и другие квартиры, и на верхнем этаже шумит свадьба, и...

Из-под стола вылез белый кот. Один глаз у него был голубой, а другой – зеленый. Кот выжидательно уставился на Антона.

– Паспорт есть? – спросил тот.

Кот повел себя как беспаспортный, то есть сделал вид, что ничего не слышал, и стал тереться о ноги молодого человека, одновременно гипнотизируя его взором разноцветных глаз. В кухню заглянула молодая гражданка в домашнем платье с отчаянным декольте и освещенными пергидролем волосами, уложенными модной волной. Когда незнакомка вернулась в коридор, до Антона долетел ее веселый голос:

– У нас на кухне свободный мужик! Девки, налетай! Лови его, пока не сбежал!

Тут молодому сыщику и вовсе захотелось провалиться сквозь землю, но он пересилил себя, взял кота на руки и отправился знакомиться с жильцами. Следует отдать коту должное: он на все сто отыграл роль предлога для беседы. В каждой комнате Антону объясняли, что кот принадлежит колоратурному сопрано с третьего этажа и давно стал в доме притчей во языцех, потому что каким-то образом ухитрялся проникать на любую кухню нижних этажей и неизменно уничтожал все, что там плохо лежало. Из-за таких сверхъестественных способностей живший в доме бас Облаков пустил о коте слух, что тот умеет просачиваться сквозь стены и что вообще с ним надо держать ухо востро. Среди последних подвигов проходящего сквозь стены кота числилось истребление двухкилограммового осетра, которого готовила домработница балерины Фальбуш, а также исчезновение студня тенора Кипарисова, причем студень пропал вместе с кастрюлей, которая так и не была найдена.

– Душенька, – сердился тенор на супругу, которая поведала гостю об этом прискорбном случае, – неужели ты думаешь, что я способен верить, будто во всем виноват кот? Конечно, тут постарался кто-то из гостей...

– Николенька, я тебя умоляю!

– И вовсе не наших гостей, – упорствовал тенор, – а вот эти вот... писатели, которые постоянно шастают к Синицыной! И журналисты тоже...

Из дальнейших расспросов выяснилось, что Синицына была та самая озорная барышня с декольте, которая призывала ловить Антона, пока он не сбежал.

– Николенька, но писатели – приличные люди...

– Некоторые, душенька, однако же не все! Помнишь, Фальбуш жаловалась, как у нее какой-то писатель взял прижизненное издание Чехова, да так и не вернул? Тоже из гостей Синицыной был, между прочим!

– А вы помните Павла Виноградова? – быстро вмешался Антон. – Того, который в кордебалете танцевал? Он сюда приходил в гости к своему приятелю...

Да, Виноградова в доме помнили, но странным образом о нем могли сказать еще меньше, чем о белом коте с разными глазами.

– Очень вежливый...

– Очень скромный...

– Прекрасно воспитанный, а это теперь такая редкость...

Антон переходил из комнаты в комнату, неся на руках кота, который совершенно освоился и порой даже делал вид, что дремлет. Квартира оказалась непростой, хоть и выглядела обычной московской коммуналкой с длинным коридором, в который выходило множество дверей. Иные комнаты были обставлены с прямо-таки дворцовой роскошью, иные поражали своим аскетизмом; имелась даже комната с разбитым оконным стеклом, которое кое-как усилили листом фанеры. То и дело в коридоре трещал телефон, кто-то сломя голову бежал в уборную, кто-то туда не успевал и отчаянно ругался под дверью.

Напоследок Антон зашел к Синицыной, не без трепета вспоминая ее развязные манеры, а также декольте. Она принадлежала к тому типу женщин, которые и манили, и раздражали его – но раздражали, пожалуй, все же больше, и он совершенно не представлял, как себя с ней вести.

– Вас зовут Анастасия Синицына, верно? И вы танцуете в Большом театре...

– Ну, танцую, и зовите меня просто Туся, – капризно промолвила хозяйка комнаты, курившая, заложив ногу на ногу, и при свете лампы с желтоватым абажуром Завалинка разглядел, что его собеседница очень молода и изрядно потрепана жизнью. – Что это вы таскаете за собой кота? Лучше раздевайтесь, – она кивнула на кургузое пальтишко Антона, перешитое из шинели, – и садитесь.

Сделав вид, что не заметил подтекста слова «раздевайтесь», Антон разоблачился и сел на стул, с которого сначала пришлось снять стопку пластинок и большую коробку театрального грима фабрики «Тэжэ».

– Меня зовут Антон, я...

– Да знаю я, все уже знаю, – отмахнулась Туся. – Который с вами пришел – это же Юра, верно? Я его помню, он к Миле все клеился, а она ему от ворот поворот дала.

– Почему? – глупо спросил Завалинка.

– Почему? – переспросила Туся, потушив папиросу. – У него даже своего угла нет, а Мила хотела, чтоб жених был непременно с отдельной квартирой. Надоели, говорит, мне коммуналки да очереди в ванную.

Белый кот, проходящий сквозь стены, побродил по комнате, забрался на старое кресло, свернулся в нем калачиком и уснул.

– А-а, – протянул Антон, не зная, что сказать. Он не считал себя особенно деликатным человеком, но ему было неловко обсуждать сердечные дела Юры, тем более за его спиной. – А Мила... м-м... она все еще здесь живет?

– Нет конечно. Вышла замуж и к мужу съехала. Правда, ему шестьдесят два года, он в институте мозга чем-то там заведует, – холодно усмехнулась Туся, – но ничего. Будет зато обеспеченной вдовой.

Антон не нашелся что ответить и довольно неуклюже попытался свернуть на интересующую его тему.

– Скажите, а Павел Виноградов...

– Павлик? Дурак и тряпка. Это на случай, если вам захочется узнать мое о нем мнение, – пояснила Туся с очаровательной улыбкой. – Так-то он неплохой парень.

У Антона занял висок. Молодой сыщик попытался отыскать в словах собеседницы логику, не нашел ее и решил махнуть рукой.

– Что с ним такое? – спросила Туся, с любопытством глядя на гостя.

– Пропал. Ищем, – лаконично ответил Антон.

– Тут вы его не найдете, – заметила Туся. – Он к Володьке ходил, чтобы домой попозже возвращаться. Мать его стесняла, она все обращалась с ним, словно он был маленьким мальчиком. – Она хихикнула. – Что, вам уже рассказали о нас?

– Э... – начал смущенный Антон.

– Ну, было, было дело, я не отрицаю. – Туся снова хихикнула. – Испортила, что уж тут поделаешь... Но по-настоящему отношений у нас не было.

– Да? – изумился Антон, глядя на Тусю во все глаза.

– Он вбил себе в голову, что влюблен в суку. Ну и...

– В кого, простите, влюблен?

– Да в Седову, конечно. Сто лет в обед он ей не был нужен, но его внимание ей льстило. Тем более что он, в отличие от остальных, ничего взамен не требовал. Готов был вздыхать издали и поклоняться ей как прекрасной даме. – Последние слова Туся произнесла с отчетливой злобой, ее глаза потемнели. – А потом он перегнул палку. Возомнил себя ее защитником и на репетиции поругался с Вольским, который сделал ей резкое замечание. Но, простите, где Алексей Валерьевич, а где Павлик Виноградов! Хотя, конечно, там и ревность тоже... Вы в курсе, что у Седовой и Вольского был роман?

– Нет, – честно ответил Антон.

– Она очень хотела выйти за него замуж – даже больше, чем за своего маршала. Но Алексей Валерьевич отчего-то не соблазнился. – Тут Туся хихикнула так, что у Антона мороз пошел по коже. – Седова, конечно, быстро утешилась и сейчас танцует с Вольским как ни в чем не бывало, но я ее знаю. Она не из тех, кто станет сокрушаться о прошлом – но и не из тех, кто станет прощать оскорбление. Разумеется, ей было приятно, когда Павлик из-за нее схлестнулся с Вольским. Само собой, у меня нет доказательств, но я почти уверена, что это она науськала Павлика. Я же говорила вам, что он тряпка? И осел.

– Говорили, – слабым голосом подтвердил Антон.

– Ну вот. На следующей репетиции Павлик уже понял, какого дурака свалил, но все еще пытался изображать перед Седовой героя. Очень ему хотелось показать ей, что он ради нее готов на все и вообще никого не боится. Хотя стоило бы, потому что Алексею Валерьевичу легче легкого добиться, чтобы Павлика вышибли из театра. В общем, когда позавчера Павлик не пришел на репетицию, я подумала, что он просто испугался. Ну, притворился больным или просто решил где-то пересидеть, понимаете? Я была уверена, что рано или поздно он мне позвонит, спросит, помнит о нем Вольский или уже забыл. Но он почему-то не звонит.

Не зная, что можно на это ответить, Антон беспомощно посмотрел на кресло, где минуту назад видел кота – и вздрогнул. Белый кот бесследно исчез.

– Скажите, раз уж вы так хорошо знали Виноградова... У него были враги? Ну, кроме Вольского...

– Враги? – пожала плечами Туся и потянулась за пачкой папирос «Казбек». – Да кому он был нужен?..

Когда через несколько минут Завалинка, вновь облачившийся в свое пальто, и Юра в неизменной кожаной куртке встретились в коридоре, первыми словами Антона были:

– Я знаю, с кем Павел поссорился незадолго до своего исчезновения!

– А я выяснил еще кое-что интересное, – ответил Казачинский. – Ночью в переулок приезжают грузовики, чтобы забрать из театра декорации и выгрузить новые. Жильцы, у которых окна выходят на эту сторону, страдают из-за шума, многие просыпаются, а потом вынуждены отсыпаться днем. Так вот, три дня назад грузовики приехали примерно в час пятнадцать ночи, а уехали около трех.

– И что это значит? – вырвалось у Антона.

– Пока не знаю, но факт интересный. Теперь вот что: Ваня сказал, что кто-нибудь из жильцов мог в ту ночь оказаться возле окна и заметить, кто унес труп и куда. Поэтому я сейчас отзвонюсь Петровичу, и мы с тобой пойдем опрашивать всех, у кого окна выходят в проезд.

– Это же толпа народу! – ахнул Антон.

– Ну и что? Мы же никуда не торопимся. Не успеем сегодня, продолжим завтра.

Белый кот с разноцветными глазами показался в коридоре, словно соткавшись из воздуха, и широко зевнул, обнажив внушительные клычки. Молодой сыщик вздохнул и подхватил его на руки.

– Ладно, – сказал Антон Казачинскому, – идем!

Глава 7. Первый визит

Все граждане обоего пола, достигшие 17 лет, обязаны еженедельно посещать академические театры под страхом высшей меры наказания или, взамен того, ареста до двух недель со строгой изоляцией.

М. Зощенко, «Обязательное постановление»

– Прежде всего я поговорил с Володей Тумановым, – сказал Казачинский Опалину на следующее утро. – И с его отцом Виктором. Отец не очень жаждал общаться – у него брат не получил паспорта и загремел в ссылку, но я его убедил, что любые сведения могут нам помочь найти молодого человека. По словам и отца, и сына получается, что у Виноградова не было врагов, и единственной его серьезной проблемой стала ссора с премьером Вольским на репетиции, которая состоялась четырнадцатого октября. Шестнадцатого октября была еще одна репетиция, на которой Вольский и Виноградов опять обменялись резкостями. После репетиции Володя Туманов переоделся и ушел домой, а Павел, по его словам, отправился о чем-то поговорить с Ириной Седовой. Именно она, кстати, стала причиной ссоры Павла и Вольского, у которого когда-то с ней был роман.

Слушая Казачинского, Опалин нахмурился. Петрович, сидевший за своим столом, безмолвствовал.

– Итак, Виноградов пошел беседовать с балериной... А через несколько часов я обнаружил его труп в балетном костюме возле театра. Меня очень интересует ночь с шестнадцатого на семнадцатое, – говоря, Опалин перевел взгляд с Юры на Антона, – и я надеюсь, что вы отыскали кого-нибудь, кто что-то видел.

– Мы всех опросили, – с явным неудовольствием промолвил Антон, – но без толку. Те, у кого окна обращены в сторону театра, давно привыкли к грохоту по ночам, и многие даже не просыпаются. Кто-то принимает свои меры, чтобы не вскакивать посреди ночи: затыкает уши или пьет снотворное. Некоторые жильцы пробудились, когда грузчики стали швырять декорации, но это было уже после того, как все произошло.

– Мне очень живо описали, как матерятся грузчики, когда таскают особенно тяжелые части декораций, – добавил Казачинский с улыбкой, – но, конечно, нашему расследованию это не поможет.

– Зато я нашел подружку Виноградова, – поспешно сказал Антон, видя, что Опалин стал хмуриться еще сильнее.

И молодой опер пересказал Ивану, Петровичу и Юре то, что узнал вчера от Туси Синицыной.

– Все это очень мило, – проворчал Опалин, – но я бы променял эту барышню с внушительным декольте и все ее сногшибательные тайны на одного надежного свидетеля, который маялся бессонницей, сидел у окна и видел, куда в мое отсутствие унесли труп... А может быть, также видел, откуда он вообще там взялся. Если Павел был в костюме, значит, не успел переодеться. Если не успел переодеться...

– Значит, его убили в театре, – закончил Петрович.

– Допустим, а как тело оказалось в Щепкинском проезде? – спросил Казачинский.

– Конечно, его туда перенесли, – ответил Антон. – Тот, кто убил, тот и перенес.

– Как? Если двери заперты и театр охраняется? Там, между прочим, даже комендатура есть.

Они высказывали свои соображения и чем-то в эти мгновения напоминали математиков, которые общими усилиями решают сложную задачу.

– А если его все-таки убили вне театра? – внезапно спросил Петрович.

– Костюм, – напомнил Опалин.

– И что – костюм? Может, его нарочно надели и тело подбросили к театру, чтобы сбить нас со следа?

– Тогда куда пропало тело? – спросил Казачинский.

– Я не знаю, – пожал плечами Петрович, растирая лоб.

Все они чувствовали сейчас острое недовольство собой, потому что внятное и логичное решение, объясняющее все известные факты, никак не находилось.

– Схожу-ка я в театр, – сказал внезапно Опалин, поднимаясь с места.

– Нам идти с тобой? – спросил Петрович.

– Нет. Вы пока займитесь делом Демьянова. Надо понять, как он избавился от трупы жены.

– У него алиби, – напомнил Антон.

– Не верю я в его алиби. Он ее убил, больше некому. – Опалин снял с крючка серое пальто, надел его, обмотал шею шарфом и стал застегивать пуговицы.

– С чего ты взял? – не выдержал Казачинский. С его точки зрения раз за разом таскать на допрос безутешного инженера Демьянова, у которого пропала жена и который ничем не походил на убийцу, было пустой тратой времени.

– Он ее туфли своей сестре подарил! – свирепо ответил Опалин, всем корпусом поворачиваясь к Казачинскому и глядя на него как на личного врага. – И знаешь почему? Потому что он знает, что жена мертва и они ей больше не понадобятся. Я вам говорю: он ее убил! Так что продолжайте с ним работать.

– За что ему ее убивать? – подал голос Петрович. – Мы же всё проверяли. Жили они дружно, жена не была застрахована, любовницы у Демьянова нет, и у жены не было любовников. Никакого мотива.

– Мотив есть, но мы его не видим, – отрезал Опалин. – Где-то мы что-то упустили. Еще раз все проверьте: что она делала в последние дни, с кем общалась, куда ходила. Не было ли в ее поведении каких-то странностей, даже в мелочах. – Он сдвинул брови, отчего между ними пролегли две морщинки, и его молодое, симпатичное, открытое лицо с четко вылепленными, крупноватыми чертами вмиг стало серьезным и даже суровым. – Короче, ищите...

– Ваня, ты меня извини, но туфли – это не доказательство, – возразил Казачинский. – Может, сестра к нему пристала и выклянчила их. Он не хотел их отдавать, но пришлось уступить. Чем не вариант?

– Не надо изобретать для Демьянова оправданий, – сухо сказал Опалин, поправляя шарф. – Он убийца. Осталось ответить на два вопроса: почему он ее убил и куда дел тело. Вот ими и займитесь...

Выйдя за проходную, он несколько мгновений раздумывал, сесть ему в автобус или пойти пешком, и решил пройтись, чтобы заодно кое-что обдумать.

Любящая, но недалекая мать, сестра, которую Павлик посвящал в свои дела, но не до конца, случайная связь с девушкой из мира балета, любовь к признанной балерине, которую Ляля считала выдуманной, а еще автограф на открытке и только один друг – и, незадолго до гибели, ссора в театре... В том самом театре, возле которого Опалин увидит его бездыханное тело.

За последние дни Иван многое узнал о Павле Виноградове, но сыщика не покидало ощущение, что он все еще ничего не знает, что он, в сущности, блуждает в потемках и что разгадка должна быть где-то там, в здании, над которым парит Аполлон с квадригой лошадей. Опалин свернул в Щепкинский проезд и зашагал к служебному входу. Тяжелая дверь сладко зевнула всеми петлями и захлопнулась со звуком, напоминающим чавканье.

– Московский уголовный розыск, оперуполномоченный Опалин. Я расследую исчезновение артиста Виноградова.

Вахтер – не тот старик, которого Опалин видел в ночь на 17 октября, а другой, помоложе, с худым лицом, пышными усами и цепким взглядом – очень внимательно прочитал то, что значилось в удостоверении, и сказал:

– Простите, товарищ оперуполномоченный, но я должен доложить коменданту...

– И очень хорошо, – одобрил Опалин, убирая книжечку, – потому что с ним я тоже хотел бы поговорить.

Вахтер пристально поглядел на него, снял трубку телефона и набрал номер. Опалин отодвинулся в сторону, чтобы не мешать входящим – и одновременно чтобы иметь возможность изучить их лица. Сначала показалась пожилая печальная женщина с пачкой растрепанных нот под мышкой. За ней вошел сосредоточенный остролицый блондин средних лет, который кивнул вахтеру и спросил, в театре ли Ирина Леонидовна.

– Уже, – лаконично сообщил тот, не отрываясь от трубки, и махнул рукой, показывая, что блондин может проходить.

Опалин терпеливо ждал. Вахтер негромко заговорил в трубку, то и дело косясь в его сторону. Дверь, заскрежетавав, пропустила маленького округлого гражданина в добротной шапке пирожком и черном пальто с каракулевым воротником. В руке он держал футляр со скрипкой.

– Ваш пропуск, пожалуйста, – сказал вахтер, повесив трубку.

– Это неопишимо! – вскинулся человек. – Двадцать лет в театре, и – пропуск! Всегда одно и то же... Куда же я его дел? – Свободной рукой он стал хлопать себя по ближайшему карману пальто, потом переложил скрипку в другую руку и повторил процедуру. – Он же был тут... где же... Между прочим, у Елизаветы Сергеевны вы никогда пропуск не спрашиваете!

– Вы не Елизавета Сергеевна, – ответил вахтер, не скрывая иронии.

– Однажды, – трагически проговорил скрипач, залезая во все карманы, – однажды окажется, что я оставил пропуск дома, вы не пустите меня в театр, и представление отменят. Из-за вас! – заключил он с надрывом в голосе.

– Никто ничего отменять не будет, – отозвался вахтер спокойно. – А пропуск нечего дома забывать.

– Кто забывает? Я? – возопил скрипач. – Я никогда ничего не забываю... Пожалуйста, вот он, – добавил он, действительно достав из кармана пропуск. – Вы из миманса? – неожиданно спросил скрипач у Опалина, поворачиваясь к нему. – Ваше лицо мне знакомо... Очень знакомо!

– Нет, я не по этой части, – спокойно ответил Опалин, не подавая виду, что впервые слышит слово «миманс».

– Неужели я ошибся? Ну что ж. – Скрипач спрятал пропуск и удалился подпрыгивающей походкой. В дверь вошли три юные стройные гражданки, которые производили примерно такой же шум, как веселые беззаботные птицы. Оживленно щебеча о чем-то своем, они с любопытством посмотрели на Опалина и, беспрепятственно пропущенные вахтером, скрылись в недрах здания. Иван же отчего-то вспомнил встреченную ночью незнакомку, которая бежала от театра, и загрустил.

– Товарищ Опалин? Прошу за мной. Я провожу вас к коменданту.

Опалин повернулся, и тут во входную дверь вихрем влетела гражданка в черной каракулевой шубе до колен и громадной шляпе с перьями, какие любили носить еще в начале века. Гражданка, с умопомрачительной скоростью передвигавшаяся в сапожках на высоченных каблуках, чрезвычайно заинтересовала Ивана, но его ждали, и он зашагал за сопровождающим, решив отложить удовлетворение своего любопытства до другого раза.

Узкие сводчатые коридоры, старинный паркет под ногами, ощущение плотности стен, которое возникает только там, где они простояли очень-очень много лет, – и вот, пожалуйста, кабинет с высоким потолком и обязательным для всех официальных учреждений портретом

Сталина на стене. Опалину бросился в глаза огромный стол, уставленный телефонами, и возле стола – печь-буржуйка, у которой грел руки коренастый рябой гражданин в форме с петлицами.

– Свободен, – распрямившись, буркнул он провожатому Опалина, и тот, скрипя сапогами, удалился. Комендант всмотрелся в лицо гостя, который представился и объяснил цель своего визита.

– Будем знакомы, – сказал комендант, – я Снежко Глеб Филиппыч. Паскудная штука этот театр, вечно тут холодно, как в погребе...

Опалин догадался, что комендант пытался перед ним оправдаться за печку в кабинете, и рассказал, что у него есть друг и коллега, который тоже постоянно мерзнет. И вообще лишнее тепло в помещении никогда не помешает. Слушая его, Снежко снизошел до хмурой улыбки.

– Твое начальство должно было меня предупредить, что ты придешь, – заговорил он, сразу переходя на «ты». – Ты на будущее учти, а? Телефон 1-51-33, это же несложно – трубку снять... Садись, чего стоишь-то?

Опалин всю жизнь не любил фамильярности – и всю жизнь оказывался в ситуациях, когда приходилось с ней мириться. Он вынудил себя улыбнуться и сел на стул, на котором, судя по его виду и остаткам позолоты, раньше могли сидеть какие-нибудь важные чиновники, а то и особы, приближенные к императору.

– Я вообще к людям отношусь так, как они ко мне относятся, – продолжал Снежко, насупившись и сцепив пальцы перед собой на столе. – Чтобы из управления погнали в театр искать какого-то плясуна кордебалетного... Сдается мне, друг, ты чего-то недоговариваешь. А?

– У него отец метро строит, – тихо и значительно уронил Опалин.

Положим, старший Виноградов не строил объект первостепенной важности, а только создавал художественное оформление; но упоминание об отце тем не менее произвело должный эффект. Снежко удовлетворенно блеснул глазами, расцепил пальцы и откинулся на спинку кресла.

– Ну, я что-то такое и подумал. А что с парнем случилось-то?

– Пропал. Четвертый день никаких вестей.

– У бабы искали?

– Искали. Нет его там.

– Н-ну... – Снежко потер подбородок. – А тут ты что делать-то собираешься?

– Поговорить с теми, кто его знал. У тебя-то самого никаких соображений нет, куда он мог деться?

– Тут, в театре, знаешь сколько народу толчется, – фыркнул Снежко. – Думаешь, я за всеми уследить могу? Правительство то и дело на спектакли приезжает, то товарищ Сталин, то Калиновский, то еще кто-нибудь... – Он вздохнул. – Ты это, лучше с кордебалетными поговори, с комсоргом Колпаковым и еще с Андреичем. Вот Андреич уж точно должен что-то знать.

– А кто такой Андреич?

– Буфетчик. Но ты не смотри, что у него такая должность. Он все знает – и кто сколько чего ест, и кто с кем крутится, и вообще.

– Спасибо, – искренне ответил Опалин. О буфетчике он даже не подумал. – Обязательно поговорю. Слушай, а шестнадцатого числа кто у тебя дежурил? Я имею в виду, на служебном входе в Щепкинском проезде.

– Щас глянем. – Комендант вытащил из кипы бумаг объемистый журнал и принялся перелистывать страницы. – Шестнадцатое, шестнадцатое... а, вот оно. В дневную смену дежурил вахтер Колышкин, ночью была смена Благушина. Общую охрану здания осуществлял сначала караул лейтенанта Сухоперова, а потом караул Тимофеева. – Он захлопнул журнал и хмуро уставился на собеседника: – Если не секрет, зачем они тебе?

– Как зачем? – самым естественным тоном промолвил Опалин. – Хочу знать, когда именно Виноградов покинул здание. Вахтер же мог его запомнить? Или кто-то из охраны?

– Ну, вахтер-то мог, – кивнул Снежко, убирая журнал. – А охрана, Ваня, у нас на совсем другой случай. Если из правительства люди приезжают или, например, происшествие какое-нибудь неприятное. Кстати, у меня где-то есть рапорт Благушина, что ночью шестнадцатого какой-то пьяный ломился в театр и кричал о каком-то мертвом теле. Но его милиционер увел. Рапорт тебе показать?

– Покажи, если несложно. А что за тело-то?

– Да не было никакого тела, конечно, – пожал плечами Снежко. – Обычная пьянь, которой что-то там померещилось.

– А кто-нибудь из вахтеров, которых ты назвал, сейчас в театре есть?

– Ну, Колышкина ты уже видел, – усмехнулся комендант. – Это он на входе сидел.

– Он мог запомнить, когда Виноградов ушел из театра?

– А ты с ним поговори, узнаешь. – Снежко прищурился. – Слушай, я тебя пускаю на мою территорию, но вообще-то я тут за все несу ответственность. Ты мне расскажешь, что тебе удастся найти?

Опалин мог сказать, что он не имеет права открывать постороннему информацию, составляющую тайну следствия. Но правда в данном случае могла только навредить, и, смирив себя, Иван проговорил:

– Конечно, скажу. Это уж само собой разумеется! Ты же мне рассказал и про вахтеров, и про буфетчика, и вообще уже здорово помог...

– Ладно, – кивнул Снежко, и Ивану сделалось немного стыдно, когда он понял, что собеседник принял его слова за чистую монету. – Сейчас я найду рапорт Благушина, а потом ты можешь ходить по театру и задавать свои вопросы. Первым делом – к буфетчику, да заодно и подкрепись. Скажешь ему, что я велел тебя накормить. – И, довольный собой, комендант весело рассмеялся.

Глава 8. Молния

Вы не знаете, что такое театр. Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего.

М. Булгаков, «Театральный роман»

Опалина разрывали противоречивые чувства.

Прочитав рапорт ночного вахтера, он, конечно же, первым делом должен был отправиться к буфетчику Андреичу, который слыл в театре всезнайкой, а после него пойти к Колышкину, и не исключено, что этот немолодой человек с цепким взглядом мог бы рассказать ему что-то полезное. Однако вместо этого Иван стал блуждать по театру и сам хорошенько не зная, на что он, собственно, надеется.

Иногда ему казалось, что он попал в какой-то запутанный лабиринт, потому что любой коридор мог привести куда угодно. Двери слева и справа могли быть снабжены табличками с надписями, но чаще всего какие-либо указатели отсутствовали, и, проходя мимо, Опалин терялся в догадках. За одними дверями пели, за другими играли на рояле, и из-за неплотно прикрытой створки доносился строгий женский голос, произносящий странные слова:

– Релеве! Томбе! Купе!⁹ Руки! Озерова, ну нельзя же руки коромыслом держать! Пеструхина, спина! А сейчас легкое па-де-бурре...

«Какой у них странный мир, – думал Опалин, удаляясь и немного жалея, что нельзя просто так заглянуть в дверь и узнать, что за ней делается. – И необычно, и... нет, нельзя так думать! – Он встряхнулся. – Все это видимость, а факт заключается в том, что я видел возле театра труп Павла Виноградова, которого убили... И Благушин... Интересно, почему он составил такой рапорт?»

Если верить тому, что написал ночной вахтер, в театр той ночью ломился гражданин лет сорока в состоянии алкогольного опьянения, с которым была гражданка, чрезвычайно смахивающая на женщину легкого поведения. По долгу службы Опалину приходилось иметь дело с самыми разными свидетелями, и он вполне допускал, что ночью можно спутать человека, которому не сравнялось и тридцати, с сорокалетним. Куда больше его задело то, как в рапорте была описана Люся.

«Все-таки надо с ней помириться... Вообще пора как-то устроить свою жизнь. Чтобы жена, дети... Чтобы было к кому возвращаться домой. Распишемся с ней, будем жить в моей комнате, потом, может быть, квартиру дадут... А это что?»

Не устояв перед соблазном, он вошел в распахнутую дверь – и неожиданно оказался в зале, на одном из верхних ярусов. В глаза хлынул алый бархат лож и золото отделки, потом Опалин увидел наверху огромную люстру – знаменитую хрустальную люстру Большого, пережившую не одно поколение зрителей. Зал был восхитительно пуст и как-то по-особенному, таинственно тих.

Иван не мог сказать определенно, нравится ему эта насторожившаяся тишина или нет. В старом здании театра, с его запутанными коридорами, он ощущал себя чуждым элементом, пришельцем, незванным гостем, но зал его покорила. Занавес был раздвинут, сцена лежала плоская и трогательно беззащитная без всей мишуры, которая маскирует ее в дни представлений. С того места, где стоял Опалин, она вдобавок показалась ему очень маленькой.

Он не двигался, впитывая всеми порами ту особенную умиротворенность, которую можно встретить лишь в очень старых и очень красивых театрах, пространство которых, напитавшееся искусством, словно вплотную примыкает к космосу. Ему не хотелось ни о чем думать;

⁹ Балетные термины.

он готов был забыть о том, для чего, собственно, сюда явился. Все его горести и разочарования, скверно устроенная жизнь в комнате перенаселенной коммуналки вдруг отступили, стали казаться такими незначительными, словно...

– Морошкин! Морошкин!

По сцене из кулисы в противоположную кулису опрометью пробежал человек. Иван с сожалением отвернулся – очарование кончилось. Он вернулся в реальность, в которой ему надо было проводить дознание по факту исчезновения гражданина Виноградова Павла Борисовича 1915 года рождения.

«Буфетчик... как его... Андреич, кажется. И я хорош, фамилию не спросил... Или сначала поговорить с Кольшкиным?»

Но вместо этого Опалин, покинув зал, вновь стал блуждать по театру без всякой видимой цели. Очередной коридор привел его к огромной лестнице, казавшейся бесконечной, по которой тянуло сквозняком. Подумав, Иван стал подниматься по ступенькам и наконец добрался до самого верха. Двинувшись наугад, он неожиданно оказался на площадке с большим окном, из которого была видна спина Аполлона и крупы позеленевших от времени бронзовых лошадей. Далеко внизу расстилалась Театральная площадь, которую, само собой, давно переименовали в честь очередного революционного деятеля, но которую москвичи упорно продолжали называть по-старому. Сверху из пышных седых облаков падал снег, и его хлопья ложились на прическу бога, на его колесницу и застывшие гривы лошадей.

Опалин подумал, что Павел Виноградов каждый день ходил по этим коридорам и в любое время мог видеть Аполлона. Более того, Павел выходил на сцену, и, значит, весь этот ало-золотой мир вокруг в какой-то мере принадлежал ему – на время представления уж точно. «А может быть, он видел совсем не то, что я... Черт возьми, у меня такое настроение, словно стихов начитался. Делом надо заниматься...»

Он нырнул в ближайший коридор, где был настигнут звуками рояля. За одной из дверей энергичный мужской голос командовал:

– Тяните заднюю ногу! Сильнее! Вот так, отлично! Гесперидский, убери хвост! Корсак, выдави пузо! У вас ничего не получится, если вы не будете лезть из кожи вон... А теперь – арабеск!

В легкой панике Опалин прибавил шагу и на площадке увидел ту самую гражданку в каракулевой шубе, которая недавно так его заинтриговала. Она разговаривала с юной балериной в крепдешиновом хитоне, перехваченном черным пояском (в то время классы делались в хитонах). У балерины была фарфорово-белая кожа и лучистые голубые глаза, завидев которые Опалин невольно приостановился. Подруга юной балерины, попроще и поскромнее, стояла тут же и слушала разговор.

– Вы у нас, Лидочка, оказывается, теперь в комсомоле! – оживленно говорила обладательница каракулевой шубы. – Ах, ах, ах! Воображаю, как вы однажды станете танцевать Одетту! Наденете короткое платье вместо пачки, портупею да кирзачи и – прямиком в объятия принца. А? Ведь это же прелесть что такое! – Дама в шубе задорно засмеялась и от избытка хорошего настроения даже прищелкнула пальцами.

Обладательница фарфоровой кожи слушала, хлопая длинными ресницами вполщеки, и внезапно произнесла, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Знаете, Елизавета Сергеевна, лучше быть в комсомоле, чем на пути в крематорий...

Довольная собой, она оскалила маленькие острые зубки, и вся ее неземная прелесть вмиг куда-то улетучилась. Подружка, не удержавшись, хихикнула. Фарфоровая красавица прищелкнула пальцами, передразнивая жест собеседницы, и гордо удалилась, оставив обладательницу шубы стоять в состоянии, близком к остолбенению.

– Как ты ее! – восхищенно шепнула подружка, семена рядом с победительницей словесной битвы.

«Нет, все-таки тут надо держать ухо востро... – смутно помыслил Опалин и стал спускаться по лестнице. – Елизавета Сергеевна, Елизавета Сергеевна... Стоп, уж не Лерман ли это была, о которой мне рассказывали? Получается, она...»

Он прошел мимо остролищевого блондина, которого недавно видел на проходной. Блондин о чем-то разговаривал с очень высоким, юношески стройным седовласым стариком. Краем уха Иван уловил слова «Светлый ручей»¹⁰ и «Шостакович».

– Говорят, держится, но стал заикаться... И его можно понять. Сначала его оперу разнесли, потом балет...

– Обязательно навещу его, когда буду в Ленинграде. Он должен знать, что вокруг не все... не все... – Старик покосился на Опалина и не окончил фразу.

Внизу Иван довольно быстро сориентировался и, проплутав всего каких-то четверть часа, оказался возле служебного входа, где уже знакомый ему вахтер Колышкин не пропускал веснушчатую барышню, у которой не по форме был выправлен пропуск.

– Но вы не понимаете, – молила барышня, – мне очень нужно...

– Лемешева в театре нет, – твердо проговорил вахтер, глядя барышне в глаза.

Она как-то скукожилась, сникла и ушла. Дверь подъезда издевательски хрюкнула ей вслед.

– И какие только глупости не изобретают, чтобы в театр попасть! – Вахтер говорил с Опалиным так, словно тот был его старым знакомым. – А вы, значит, Виноградова ищете?

Иван кивнул.

– Мне комендант сказал, что шестнадцатого днем вы дежурили. Я понимаю, что это было не вчера и что в театре уйма народу, но мне нужно знать, когда Виноградов ушел.

Колышкин задумался, морща лоб. Иван терпеливо ждал.

– Странно, – наконец проговорил вахтер, качая головой, – но я не припомню, чтобы он уходил. Может быть, он вышел через другой подъезд?

– А сколько их тут?

– Много, – усмехнулся Колышкин.

– Но ведь обычно артисты ходят именно через этот подъезд?

– Артисты – да. Кордебалетным проще, на них никто внимания не обращает. Если он ушел днем, то мог выйти через любую дверь.

Задав Колышкину еще несколько вопросов, Опалин отправился искать буфетчика Андреича. Это был маленький плешивый брюнет с чаплинскими усиками и желтоватым морщинистым лицом. Ни оно, ни глаза не выражали ничего особенного, и выглядел Андреич (чье паспортное имя, как выяснилось, было Иван Андреевич Ершов) как корректный, хорошо отлаженный автомат по подаче еды и напитков. Впрочем, Опалин всегда остерегался доверять первому впечатлению – и в самом деле, когда буфетчик заговорил, сразу же стало ясно, что его внешность так же обманчива, как и у большинства людей.

– Молодой человек с румянцем во всю щеку, с прекрасным аппетитом, – начал Андреич, когда Иван предложил ему описать Виноградова. – Трудолюбия больше, чем таланта, если верить тому, что мне говорили. Довольно-таки практичный. – Он бросил взгляд на открытое лицо Опалина и на всякий случай прибавил: – Если вы понимаете, что я имею в виду...

– В чем конкретно это выражалось?

– Ну... – Буфетчик вздохнул. – Он прочитал где-то, что марки могут стоить больших денег, и стал их собирать. Потом, конечно, ему объяснили, что редкие марки просто так не найти, и он сразу же охладел к этому делу.

Ай да буфетчик! У Опалина возникло ощущение, что покойный Павел Виноградов раскрывается все новыми и новыми гранями.

¹⁰ «Светлый ручей» – балет Д. Шостаковича (1935), разгромленный в статье «Правды» «Балетная фальшь».

– Вы не знаете, как у него обстояло дело с деньгами? – спросил Иван напрямую.

– Неплохо. По крайней мере, лучше, чем у многих. Да, в кордебалете получают немного, но его отец не забывает свою первую семью.

– Может быть, Павел играл в карты, водился с дурными компаниями? – рискнул Опалин. – Вы что-нибудь слышали на этот счет?

– Нет, он всегда водился либо с теми, кто был равен ему, либо с теми, кто стоит выше. – Буфетчик едва заметно усмехнулся. – Он очень осторожный, разумный молодой человек. Никаких крайностей.

– А романы?

Его собеседник кашлянул, словно для того, чтобы скрыть свое смущение.

– Ее зовут Синицына, она тоже из кордебалета. Они встречались какое-то время.

– У нее были другие поклонники?

– Множество, – двусмысленно ответил буфетчик и поглядел Опалину прямо в глаза.

– И... э... у Павла были сложности с кем-нибудь из них?

– Никаких, насколько мне известно. Она не из тех женщин, которых станут ревновать.

Если бы Иван Андреевич прямо сказал, что Синицына спит со всеми подряд, его слова и тогда не звучали бы более уничижительно.

– Скажите, у Виноградова были враги здесь, в театре? – спросил Опалин.

– Враги – нет, но вообще его не слишком любили.

– Почему?

– Не знаю, замечали ли вы, но мальчики, которые растут в женском окружении, становятся злоязычными, как женщины, – меланхолично ответил Иван Андреевич, протирая бокал. – Павел легко мог сказать что-нибудь этакое... ну, сами понимаете. А наши артисты – народ обидчивый...

Теперь стало ясно, почему у чудесного, по словам матери, и безупречного Павлика был только один друг.

– По-моему, кроме Володи Туманова, с Павлом никто не дружит, – добавил буфетчик. – Володя знает его еще со школы и привык не обращать внимания на его слова.

– Вы не знаете, у Павла возникали конфликты из-за его языка? Особенно в последнее время?

– Нет, что вы, до серьезных конфликтов дело никогда не доходило. Я же говорю вам, он очень разумный молодой человек и всегда умеет дать задний ход, когда нужно. В последнее время он ссорился только с Алексеем Валерьевичем.

– Вольским?

– Ну да. То есть как ссорился? Пытался задирать его, чтобы покрасоваться перед Ириной Леонидовной.

– Это правда, что Виноградов был увлечен Седовой?

Буфетчик бросил на Опалина быстрый взгляд, словно предостерегая его от того, чтобы собеседник пересек некую невидимую линию.

– В нее все влюблены, – ответил Иван Андреевич, более тщательно, чем обычно, выбирая слова. – Она умеет производить впечатление.

– А как Вольский отнесся к тому, что Павел пытается его задирать?

– Вы имеете в виду, обиделся ли Алексей Валерьевич? – Буфетчик прищурился. – Он не из тех, кто снисходит до таких пустяков.

– До обид?

– До Павлов Виноградовых, – спокойно пояснил Иван Андреевич.

– А что он вообще за человек?

– Алексей Валерьевич? Ну...

Буфетчик, казалось, был в затруднении.

– Боюсь, я не смогу описать его, так сказать, исчерпывающе, – признался он. – Прежде всего, он танцовщик от Бога... Ну, то есть раньше так говорили, сейчас-то каждому ясно, что Бога нет. – Иван Андреевич усмехнулся. – А человек Алексей Валерьевич сложный. Вам лучше самому его увидеть, – заключил он.

– Когда стало известно, что Виноградов не пришел на репетицию, как это восприняли другие артисты, его товарищи по кордебалету?

Буфетчик метнул на Опалина быстрый взгляд.

– Никак. Само собой, его отсутствие заметили, но никто не придал этому значения.

– Почему?

Иван Андреевич усмехнулся.

– Наверное, потому, что он никто.

Яснее не скажешь. Опалин подумал, что Снежко был прав, когда советовал ему прежде всего наведаться к буфетчику.

– Скажите, к вам ведь ходит много народу... – начал Иван.

– Это Большой театр, – с достоинством ответил его собеседник и стряхнул со стойки какую-то пылинку, которой, возможно, там даже не было.

– Да, разумеется. Но, может быть, вы все-таки помните, когда видели Виноградова в последний раз?

По правде говоря, Опалин ни на что особо не рассчитывал. Он предполагал, что услышит размытый ответ вроде: «Да, он заходил несколько дней назад, выглядел как обычно, ничего странного я не заметил», но тут Иван Андреевич его ошеломил.

– Постойте-ка, – молвил буфетчик, подняв глаза к потолку и что-то соображая. – Виноградов, Виноградов... Пятнадцатого... нет, шестнадцатого. Как обычно, забежал между классом и репетицией... в тот день репетировали «Лебединое», второй... нет, третий акт. Обычно он приходил и после репетиции, но должен вам сказать, что после репетиции я его не видел. Он съел... погодите-ка... да, два пирожных, эклер, и выпил чашку кофе. Вероятно, вам неинтересны все эти подробности...

– Напротив, – только и мог сказать его собеседник, – очень даже интересны! Значит, после репетиции он не появлялся?

– Нет.

– А во сколько она закончилась?

– Приблизительно в четверть шестого, – уверенно ответил буфетчик.

«То ли он морочит мне голову, – думал Опалин, насупившись, – то ли в самом деле помнит все эти подробности...» Но тут он увидел устремленные на него глаза, очень, очень внимательные глаза – и решил, что зря подозревает Ивана Андреевича. Такой человек мог запомнить не то что количество пирожных и время, но и вообще что угодно о любом, кто попадал в поле его зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.